

18+

Ким Болдуин
Ксения Алексу

ПРОПАВШАЯ РЫСЬ

ЭЛИТНЫЕ
ОПЕРАТИВНИКИ

SolidBook.ru
тематическое издательство

Элитные оперативники

Ким Болдуин

Пропавшая Рысь

«СОЛИД БУК»

2010

Болдуин К.

Пропавшая Рысь / К. Болдуин — «СОЛИД БУК»,
2010 — (Элитные оперативники)

ISBN 978-5-9906200-5-6

Когда полицейские вновь упустили серийного убийцу-садиста по прозвищу «Охотник за головами», найти маньяка может только Организация элитных оперативников. Миссия «Маска» поручена оперативнице с кодовым именем «Рысь». У нее достаточно навыков и решимости, но ее молодость и недостаток опыта вполне могут поставить операцию под угрозу. Поиски заводят Рысь глубоко в азиатские джунгли, где ей предстоит бороться не только с международной мафией торговцев живым товаром, но и со своими чувствами к таинственной наемнице, у которой свои планы на Охотника за головами.

ISBN 978-5-9906200-5-6

© Болдуин К., 2010
© СОЛИД БУК, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	47
Глава девятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ким Болдуин, Ксения Алексу

Пропавшая Рысь

Kim Baldwin and Xenia Alexiou

Missing Lynx

Пролог

Первое, что она услышала, придя в сознание, – невнятное пение и бормотание. Вокруг царил темнота; ее разгонял лишь слабый свет, падавший откуда-то сзади. В полумраке она смогла разглядеть только лишь... земляные пласты. Причем пугающе близко, прямо над головой. От бешеного выброса адреналина загудело в ушах, голова закружилась, мрак стал густеть и сжиматься.

Господи, неужели меня погребли заживо?..

Ответ она получила сразу же: кто-то сильно стиснул ее запястья, заломил руки за голову, а потом поволок. Ее тащили по какой-то неровной и очень грязной поверхности. Комья земли забивались в джинсы, цеплялись за ремень. Она пробовала упираться каблуками, инстинктивно пытаясь приостановить того, кто ее тянул, но затекшие ноги не слушались. Внезапно бормотание прекратилось, и послышался хриплый усталый вздох.

Где она? Как она сюда попала? Кто это бормочет и вздыхает?

На эти вопросы ответить она не могла. Единственное, в чем, увы, она была уверена, – в том, что постоять за себя не в состоянии. Сердце захлебывалось, колотилось отчаянно часто. Собрав остатки сил, она запрокинула голову, чтобы увидеть, кто же ее держит. Но света было слишком мало, а перед глазами все плыло. Попытка осмотреться стоила ей такого напряжения, что она вновь потеряла сознание и погрузилась в милосердную мягкую тьму.

Сложно сказать, сколько прошло времени, но когда она снова пришла в себя, слышалось все то же бормотание. Вскоре оно сменилось хриплым мычанием, даже можно было разобрать мелодию. Больше ее никуда не тащили, она чувствовала, что лежит на ровной поверхности, жесткой и холодной. Снова накатила волна страха. Чтобы взять себя в руки, ей пришлось сделать два глубоких вдоха, о чем она тут же пожалела. Легкие охватило пламя: спертый воздух был пропитан жуткой вонью. Нестерпимо пахло одновременно химией и тлением.

Она заставила себя открыть глаза, чтобы посмотреть, откуда доносится леденящее душу пение. Ее ослепил резкий свет. Когда глаза немного привыкли, в дальнем темном углу она увидела его. Он стоял к ней спиной, в руке у него был шприц. Внезапно в мозгу ее с необычайной ясностью пронеслись все ужасные события последних часов.

Мычание прекратилось.

– Ты станешь моим лучшим творением, – проговорил он, не оборачиваясь. Эти простые слова и очевидность его последующих действий придали ей сил. Она предприняла решительную попытку сесть – и осознала, что руки и ноги ее крепко привязаны: она была распластана на стальном хирургическом столе.

– Все пройдет безболезненно, обещаю, – спокойно продолжал ее истязатель. – Если, конечно, ты не будешь сопротивляться.

Она хотела закричать, позвать на помощь, но поняла, что это бесполезно. Судя по тому, что она успела разглядеть, в этом страшном месте услышать ее было некому. Скорее всего, они находились под землей, потому что и стены, и пол, и потолок были земляными, окон видно не было. Прямо перед глазами у нее был вход – не дверь, просто небольшая прямоугольная дыра в стене, в проеме вряд ли можно было встать в полный рост. Слева зияла такая же дыра, только поменьше, рядом с ней у стены располагалась раковина. В углу ютились круглый столик и одинокий стул.

А потом она увидела их. Они висели на стене справа от входа. Два женских лица – застывшие маски, сохранившие красоту. И молодость. Не старше нее самой. Пытаясь оторвать взгляд от жуткого зрелища, она сглотнула, как будто это могло помочь избавиться от тошноты, подкатывавшей к горлу. Казалось, все её внутренности скрутило в тугую узел.

– Само совершенство, да? – спросил он, кивнув на головы.

Она скосила взгляд в его сторону. Теперь он стоял к ней лицом и через миг сделал шаг вперед. Она отчаянно забилась в тугих путах, точно дикий зверь, попавший в капкан. Проволока глубоко врезалась в кожу кистей и лодыжек. Металлическая хватка была слишком крепкой, но она продолжала бороться. Сердце стучало так громко, что, казалось, она оглохнет от грохота собственного пульса.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки и склонился над ней, его лицо потерялось в густой тени над ярким светом лампы. Негромко напевая, он терпеливо ждал, пока силы покинут ее, пока предательски ослабеют перенапряженные мышцы. И вот она безвольно, точно кукла, откинулась на столешницу. Не имело смысла спрашивать, как она здесь очутилась. Не имело смысла умолять ее отпустить. Она знала, чего он хочет, и знала, что никакая торговля не заставит его передумать.

А еще говорят, что перед смертью у тебя вся жизнь проносится перед глазами. Это оказалось неправдой. По крайней мере, у нее перед глазами предстало одно-единственное лицо, и все ее сознание тянулось к бесценным воспоминаниям о минутах, проведенных вместе. Могло ли быть, что эта женщина была всей ее жизнью? От этой мысли резко защемило сердце.

Снова раздалось фальшивое мычание, и в памяти вдруг всплыло название песни: *«Пусть я тебе приснюсь»*...

– Ты такая красивая... – прошептал ее мучитель, поднимая шприц к лампе. – И скоро твоя красота будет принадлежать мне.

Глава первая

*Вена, Австрия
Седьмое октября*

Знаменитый Венский Концертхаус был не самым выдающимся местом, где Филадельфийский симфонический оркестр должен был выступать в ходе своего Осеннего турне по Европе. Оркестр уже играл в потрясающем Ар Нуво в Праге и во Дворце каталонской музыки в Барселоне с богато декорированным фасадом и высоким сводом из закаленного стекла. Но на свете не так много городов, которые могли бы сравниться с Веной, столицей искусств. Большой Зал, рассчитанный на 1840 мест, был заполнен до отказа ценителями классической музыки. Перед началом последней композиции долго звучали аплодисменты. В завершение концерта оркестру предстояло играть «Шторм». Кэссиди Монро подняла взгляд к великолепному куполу над сценой, пока второй скрипач, стоявший подле нее, готовил ноты.

В огромном зале воцарилась тишина, и дирижер поднял палочку. Кэссиди взволнованно вздохнула и прижала подбородком к плечу свою Дженни Бейли.

Она играла с шести лет и к своим двадцати пяти уже успела поиграть во многих знаменитых симфонических оркестрах мира, но перед исполнением самых сложных и совершенных вещей ее неизменно охватывал благоговейный трепет.

Когда концертмейстер – лидер среди первых скрипок – поднял смычок, чтобы начать соло, Кэссиди позволила себе на мгновение представить себя на его месте. Ей предлагали стать первой скрипкой. Изумлению дирижера не было предела, когда Кэссиди вежливо, но твердо отказалась от этой чести и не дала никаких объяснений. Но Кэссиди не могла позволить себе частых появлений в первом ряду перед зрителями и не была готова к колоссальной ответственности: первой скрипке оркестра необходимо было ездить на все концерты и присутствовать на всех репетициях. Поэтому она и осталась в почти анонимной роли второй скрипки. Как свободный художник, на правах фрилансера. Так у нее сохранялась возможность участвовать только в тех выступлениях, которые не мешали основной работе. Она кинула взгляд на свою правую руку: сейчас ее пальцы держали смычок и были готовы творить истинную красоту. В очередной раз Кэссиди задумалась, как удавалось ей с той же искусностью этой же самой рукой творить то кровавое дело, к которому она обращалась, едва в эту ладонь ложилась рукоять ножа.

Когда концерт закончился, музыканты поднялись и покинули сцену под несмолкающие аплодисменты очарованных слушателей. Едва Кэссиди вошла в небольшую гримерку, раздался стук в дверь.

– Да?

– Курьер, фройлен Монро.

Стоявший на пороге юноша протянул ей букет бордовых роз. Карточка, которую она нашла в цветах, источавших волшебный аромат, гласила: *«Ты была великолепна»*. Далеко не в первый раз получала она цветы от тайного поклонника, и у нее были предположения, кто именно их отправлял. Но она знала, что ее уважаемый строгий босс никогда не допустил бы подобной сентиментальности.

Кэссиди взяла плащ, сумочку и футляр со скрипкой и направилась к выходу. В фойе ее останавливали коллеги, предлагали присоединиться к ним за поздним ужином, выпить – она небрежно отклоняла приглашения. Оркестр был поистине сплоченным коллективом, особенно когда выезжал на гастроли, но Кэссиди всегда избегала ситуаций, где приходилось говорить о себе, семье или жизни вне выступлений. Хотя ответы у нее были заготовлены заранее и каждый был проговорен множество раз, она все же сторонилась таких бесед. По природе своей Кэссиди

была индивидуалисткой и предпочитала собственную компанию любой другой. Поздний вечер был излюбленным временем для уединенных прогулок, ей нравилось бродить по живописным незнакомым улицам.

Обычно приземленные желания она удовлетворяла, сняв прелестную незнакомку и весело проведя с ней вечерок-другой. В каком бы городе, в какой бы стране ни оказывалась Кэссиди, она всегда с легкостью привлекала внимание женщин – как лесби, так и гетеро. Для нее не составляло труда замутить короткую интрижку. Но в тот вечер зов первобытных страстей молчал, и Кэссиди даже в голову не пришло искать себе фрифловую компанию.

Она зашла в отель всего на пару минут – сменить строгое черное платье и туфли на каблуках на джинсы, кроссовки и простой свитер с V-образным вырезом. Да прихватить косуху. Погода стояла прохладная – вряд ли было многим больше десяти градусов тепла, но Кэссиди переносила холод легче, чем большинство людей. Подступающая зима придавала ей сил, а других гнала с улиц в тепло, это-то и нравилось Кэссиди.

Когда она вышла из здания, публики на улице уже почти не было. Внезапно у нее зазвонил телефон. Она взглянула на номер и нахмурилась.

– Рысь, один, два, один, шесть, шесть, восемь, – ответила она. – А денек это не подождет? У меня завтра концерт.

– По семейным обстоятельствам. Не вариант, – настаивал знакомый голос на другом конце провода. – Твой обратный рейс сегодня в одиннадцать вечера.

Связь прервали.

Дьявол. Кэссиди терпеть не могла уезжать посреди гастролей.

Играть в концертном зале, не важно, в какой стране, всегда было для нее чем-то особенным, давало неповторимое чувство удовлетворения и осознание того, что она на своем месте. Она была хороша – чертовски хороша! – *великолепная* скрипачка. А возможность поделиться своим талантом с людьми, влюбленными в музыку не меньше нее самой, приносила Кэссиди ни с чем не сравнимое удовольствие.

К тому, что ей действительно нравилось, Кэссиди подходила с истинной страстью. Именно поэтому она не могла долго сердиться на то, что ей велели вернуться. Кэссиди Монро умела показать широкой аудитории, насколько она талантлива как скрипачка, но не в меньшей мере она хотела доказать кое-кому, кто знал ее получше, на что она способна как... Рысь. Это кодовое имя ей великолепно подходило. Со своим тотемом из мира дикой природы Кэссиди имела немало общего: одиночка, любознательная, быстрая. Терпеливый охотник с выдающимися способностями, когда нужно держать след. Организация элитных оперативников всегда выделяла ее из всех других и давала возможность реализовать себя, идти к своей мечте. Не всякая родная семья способна на подобную заботу.

Ей была уготована нелегкая судьба, и на избранном пути много чем приходилось жертвовать. Кэссиди знала, что некоторым оперативникам было крайне сложно оставлять за скобками свою обычную жизнь ради Организации. Но пока судьба щедро воздавала ей, и Кэссиди была готова в знак признательности бесконечно стремиться стать лучшей.

Что вы придумали для меня на этот раз? Пока ей доводилось участвовать только в небольших операциях да бывать на подхвате в больших. Ей многое еще предстояло доказать своим учителям и ОЭН в целом. Но у нее никогда не возникало сомнений в том, что, имея в руках нож, она сможет поразить цель. Это чувство было всегда.

Может быть, звонок из ОЭН был началом чего-то большого, важного собственного задания, ради которого пришлось бы надолго забыть о музыке. Как бы то ни было, Кэссиди представился шанс доказать, что она была готова, что навыки ее на высоте.

* * *

*Пустыня Сонора, Аризона
Одиннадцатью днями ранее*

– Нет, ты слышал? – Джуди Эллой устала на своего парня Дуга.

Их приемник играл какую-то мелодию из еженедельного чарта «Топ 40», как вдруг эфир был прерван экстренным выпуском новостей. Прозвучало предупреждение о приближении песчаного шторма со шквальным ветром. Ребята, тинейджеры, примерно с час назад отправились в пеший поход. Их джип теперь был далеко позади, в нескольких милях, а небо начинали затягивать подозрительные тучи. Стемнело. Это Дуг уговорил их отправиться на поиски приключений и исследовать удаленные уголки пустыни. Там не было ничего, кроме багровых кактусов и неугомонных перекасти-поле. Разве что невообразимой красоты закаты и сверкающее яркими звездами бескрайнее ночное небо.

– Да все мы слышали, – невозмутимо ответил Дуг.

Они отлично смотрелись вместе: высокий блондин, звезда школьной футбольной команды и длинноволосая жгучая брюнетка, самая обаятельная из чирлидеров. Но в этот раз получилось нехорошо. Он то и дело обещал ей, что, если они благополучно вернутся домой, он станет во всем ей потакать. Он писал ей смс примерно такого содержания: «Да, в этот раз это, действительно, это были не просто голоса у тебя в голове».

– Ущипни меня! Я тебе говорила, что это хреновая затея, – Джуди сняла кроссовок, чтобы вытряхнуть песок. – Н-да, мы бы сейчас сидели себе у бассейна в Вегасе, так нет, понесло же тебя...

– Господи, ну можешь ты не капать на мозги хоть три минуты?

– Нам бы найти место, где укрыться, – проговорил Том, передний защитник их команды, рыжий очаровашка. Он обвинил рукой талию Мэри, своей девушки, – и в этом движении одновременно ощущалась забота и чувство тревоги. – Такую хрень обычно быстро придувает.

– Где укрыться, гений ты, блин? – закричала на него Джуди. – Если ты не заметил, мы вообще фиг знает где. Надо поворачивать обратно.

– Я с тобой, Джуди, – согласилась Мэри. Чирлидеры всегда держатся вместе. – Уже начал подниматься ветер.

– Слишком поздно. Смотрите, – Дуг указал на запад: не более чем в миле от них песок уже вихрился, образовывались так называемые «грязные черти» – небольшие смерчи, за которыми не видно солнца. Смерчи швыряли пыль и песок в глаза, заклеивали рот и забивали нос.

– Эта чертова фигня идет. Вот задница, – Джуди с ужасом смотрела на приближавшуюся волну поднятого в воздух песка. – О, прекрасно, и прическа моя туда же.

Том схватил рюкзак.

– Фиг с ней, Джуди. Берите свои шмотки и всё! – он показал на небольшую кучу валунов невдалеке. – Ничего лучше, чем укрыться за этими скалами, нам не светит. Пошли уже.

И они побрели против ветра, отплевываясь от пыли и прикрывая лица, чем только можно. Волны летящего песка хлестали их немилосердно, но в конце концов шторм прошел и в пустыне воцарился покой.

– Ох, – поднявшись на ноги, Джуди терла затылок, – это меня одну так побило? Чем это нас?

Ни Том, ни Мэри не ответили: они сосредоточенно отряхивались. Дуг тоже принялся тормошить на себе одежду, не поднимаясь с колен, как вдруг заметил что-то в песке. Он потянулся, чисто из любопытства.

– Что за...?

Это была человеческая рука. Целая – от плеча до пальцев. Женская и почти полностью истлевшая. Дуг попятился и вскочил. Его желудок скрутило.

Почти в тот же миг Джуди завопила, и все повернулись посмотреть.

Вокруг нее были... руки, ноги, черепа и всевозможные другие части мертвых тел на разных стадиях разложения.

* * *

Феникс, Аризона

Два дня спустя

– Есть новости из лаборатории? – спросил специальный агент ФБР Пол Рипли своего коллегу, агента Ника Бьянкони. Последний всматривался в монитор компьютера в Отделе особо тяжких преступлений полевого офиса ФБР в Фениксе.

– Им нужен еще как минимум день. Они пытаются получить результаты как можно скорее, но образцы были далеко не лучшего качества.

– Мы так никогда ни до чего не докопаемся, – протянул Рипли, в нетерпении проводя ладонью по недавно остриженному седому «бобрику» на темени. – Нам надо установить личность, пока не начался цирк в СМИ.

Рипли, бывший военный, моряк, отличался хорошей осанкой и резкими чертами лица. Он вел дело «охотника за головами» уже больше десяти лет, с самых первых жертв. Когда в Куонтико поступили новости о том, что в Соноре нашли могильник, Рипли вылетел из Вашингтона первым же рейсом.

Бьянкони, агент с небольшим пивным пузиком и характерной бородкой, получил приказ ассистировать при работе над делом.

Федералы прочесали всю пустыню на шестьдесят миль к северо-западу от того места, где были обнаружены тела, и все еще собирали улики. На тот момент они уже нашли одну из недавних жертв. *Regio facialis*, то есть область лица у нее была удалена. Зато под ногтями оказались фрагменты кожи.

Побелевшие кости еще как минимум двадцати жертв тоже отвезли на экспертизу.

Рипли отдал жесткий приказ держать язык за зубами, чтобы информация не покинула стен ни передвижного офиса ФБР, ни полицейского участка Викенбурга, куда поступил звонок с линии 911, когда подростки обнаружили останки.

Наконец, «охотник за головами» снова объявился. Теперь-то уж Рипли не собирался позволить ему улизнуть и продолжать свои омерзительные дела в каком-нибудь еще более отдаленном регионе, где его не нашли бы еще лет десять.

В дверях появился один из специалистов, работавших над делом:

– Идите-ка сюда. Вам будет полезно на это посмотреть.

Рипли и Бьянкони вышли вслед за ним, туда, где еще несколько агентов окружили телевизор, с напряжением вперившись в экран. Корреспондент брал интервью у хорошенькой школьницы с длинными темно-каштановыми волосами, забранными в высокий хвост.

– А я, типа, так испугалась. Там везде, типа, кости... валялись. – Подпись в нижней части экрана гласила: «Джуди Эллой – свидетельница».

– Черт бы их побрал! – Рипли хватил кулаком по столу. – Говорить соплякам, чтобы держали язык за зубами, все равно, что просить мою жену не сжечь обед...

* * *

Чино Вэллей, Аризона

С довольным видом мыча себе под нос какую-то песенку, Уолтер Оуэнс окунул кончик тонкой кисти из верблюжьей шерсти в алую краску и осторожно обвел контур выразительных губ. Его ранние попытки не отличались успехом, но практика позволила ему добиться значительных результатов. Последние несколько масок были почти совершенны – цвета, формы: каждая линия – идеал иллюзии. Издалека они даже казались настоящими.

Лампочка на рабочем столе была единственным источником света в мастерской. Окон в цоколе не было, а дверь наверх была заперта. В воздухе пахло формалином и разными другими соединениями, которые обычно использовались в работе, но Уолтер так привык к сильному запаху, что совершенно не обращал на него внимания, не считая тех редких случаев, когда от химии начинала болеть голова. Перед Уолтером на бетонной стене были развешаны в хронологическом порядке все его шедевры. С того дня, когда он узнал о колдовской силе масок, он прошел долгий путь, говорил Оуэнс себе. Какое чувство власти и одновременно безопасности давали они ему. Когда его уродливое лицо было скрыто, он чувствовал себя гораздо сильнее, внушительнее, точно мог, наконец, вызвать уважение, в котором ему всегда отказывали. Он улыбнулся, вспоминая свои первые детские маски. Среди его любимых тогда была чудесная маска роскошного блондина Флэша Гордона, купленная на Хэллоуин, и самодельная полумаска Призрака Оперы, которую он слепил из папье-маше. Он всегда ассоциировал себя с Призраком Оперы, который избегал людей из-за своего уродства. С возрастом пришлось отказаться от детских масок, найти им более реальную замену. Более совершенную и потому обладающую большей силой.

Постепенно это превратилось в наваждение. Он проводил в своей комнате все свободное от школы время, выдумывал разные способы изготовления. Когда у него были все необходимые сведения и, главное, вдохновение, не доставало только финансов, и решение пришло ему на ум само собой, в ту самую ночь, когда отец во время Выпускного сказал: «Скоро, сын, ты, конечно же, захочешь покинуть отчий дом, но мы с мамой всячески будем тебе помогать».

Уолтер отложил кисть и взял в руки новое лицо, которое было почти готово – оставалось нанести последний слой защитного лака.

На экране переносного телевизора мелькали сюжеты местного АВС – полуденный выпуск новостей. После первого блока Уолтер замер, где стоял. Он услышал фразу «тела, обнаруженные в пустыне Сонора, неподалеку от Викенбурга». На экране была юная брюнетка, она выкладывала подробности того, как они с друзьями отправились в поход и вдруг оказались среди скелетов и разрозненных разлагающихся частей тела.

– И эта рука там еще была, – проговорила девушка. – В смысле, типа, знаете, свежая. Я лак на ногтях видела и все такое. Полный пипец. Мэри блеванула.

Репортер рассказал, как подростки позвонили 911 и что им ответили в местном отделении полиции.

– Несмотря на то, что в участок поступило множество запросов, власти отказываются комментировать ситуацию. Источник в отделе убийств, однако, подтверждает, что образцы ДНК с места отправлены на анализ.

Уолтер поднялся на ноги и снял маску, которую выбрал на тот день. Это была одна из его любимых: когда он рисовал ее, то аккуратно подобрал тон кожи, чтобы он практически не отличался от его собственного. Губы маски были сложены в улыбку, которую Уолтер для себя определил как игривую и загадочную. Но маска больше не подходила его настроению, и он заменил ее чуть более старой, с выражением горечи и решительности.

Все это время он был уверен, что на этот раз выбрал идеальное место. Бреющие ветры и солнце пустыни отлично способствовали разложению отходов его производства. Он был уверен, что вероятность обнаружения могильника близка к нулю там, посреди пустыни, где на

многие мили – лишь песок да пыль. Тот факт, что могильник нашли, скорее раздражал Уолтера, чем заставлял его нервничать.

После провала в Северной Каролине он стал еще более осмотрительным и вообще не оставлял следов, чтобы никто не смог даже допустить связи между ним и «донорами», от которых он получал заготовки для своих масок. Уолтер не боялся, что полиция его заподозрит.

Он выключил телевизор и побрел наверх. Он прокручивал в мозгу все меры предосторожности, которые следовало принять, чтобы следы его художественной деятельности не всплыли на поверхность.

Теперь за пустыней будут следить. Пришло время искать новое место.

* * *

Феникс, Аризона
На следующий день

Специальный агент Ник Бьянкони кивнул Рипли, тот записывал информацию, полученную из лаборатории.

– Есть совпадения с ДНК подозреваемого, – подтвердил Ник. В его голосе звенел энтузиазм, когда он повесил трубку. Рипли поспешил сесть рядом. – Хотя, странно: совпало с результатами экспертизы из следственного отдела в штате Айова.

– Уверен? – Рипли надеялся, что им повезло, и, наконец, у них оказались образцы ДНК «охотника за головами», который никогда прежде не оставлял следов. Но Рипли ожидал, что подтверждение могло прийти из списка признанных виновными или из списка арестованных, но никак не от сектора, занимающегося сбором улики на местах преступлений.

– Я и говорю, странно.

– Позвони в лабораторию и узнай, из какого полицейского участка отправляли образцы, – велел Рипли. – И пусть как можно скорее пришлют по факсу все материалы дела.

– Этим и занят.

Через час Рипли уже ворошил документы, присланные из Айовы, из участка Плезант Хилл. Бьянкони заглядывал ему то через одно плечо, то через другое.

– Уолтер Оуэнс. Главный подозреваемый в убийстве своих родителей... с поджогом. Ему тогда было двадцать, – декламировал Рипли. – Спалил дом, пока они спали, но пожарные успели спасти пару комнат, и отдел убийств получил кое-какие образцы ДНК. Сразу после этого Уолтер исчез – конечно же, у него были доверенности на банковские счета родителей, он их обчистил незадолго до пожара.

– Значит, сейчас ему тридцать пять. – Бьянкони сел за стол напротив Рипли и начал прочесывать базы данных Бюро в поисках случая, когда Уолтер Оуэнс где-либо появлялся под настоящим именем.

– Сто восемьдесят сантиметров, семьдесят три килограмма, волосы черные, глаза карие, – Рипли продолжал читать вслух. – О, да тут кое-что есть: когда ему было девять, он попал в автокатастрофу и сильно обгорел. У него шрам от ожога третьей степени, начинается на левом виске и идет через все лицо, покрывая почти всю левую сторону. Темно-фиолетового цвета, испещренный более мелкими шрамами. А еще на левой стороне лица у него отсутствуют бровь и ресницы. Сразу после происшествия ему сделали несколько пластических операций, но врачи сделали заключение, что его уродство невозможно исправить.

– Он должен быть легко узнаваем, если, конечно, он не сделал еще несколько операций в последнее время.

– Н-да. Возможно. За двадцать шесть лет пластическая хирургия шагнула далеко вперед, особенно в том, что касается восстановления после ожогов. Надо привести в офис пластиче-

ского хирурга и узнать, сможем ли мы узнать нашего нового друга, если ему делали еще операции.

Рипли вернулся к изучению материалов дела.

– Учителя и соседи, когда полиция их допросила, описывали Оуэнса как необычайно умного и скрытного. Дразнил детей, убил соседского кота. После аварии стал еще более отстраненным и нелюдимым. Родители отправляли его к психиатру, но проку не было.

Специалисты ФБР из Отдела исследования поведения еще десять лет назад составили психологический портрет «охотника за головами». Рипли сравнил эти материалы с тем, что узнал об Уолтере Оуэнсе. Все совпадало. По прикидкам ОИП ФБР, «охотник за головами» жил и убивал в малонаселенных районах не только и не столько потому, что боялся разоблачения, сколько из-за дискомфорта в местах большого скопления людей. Тот факт, что у Оуэнса был этот ужасный шрам и что для своих целей он выбрал отдаленный пустынный район, делал эту версию более чем правдоподобной.

– Звони бихевиористам, – сказал он Бьянкони. – Пусть дополнят психопортрет «охотника за головами» вот этими материалами.

– Ясно. У меня пока никаких успехов в поисках, – Бьянкони поскреб бородку. – Ни задолженностей по налогам, ни водительских прав, ни арестов. Ни в одной базе данных ничего о работе или о смерти. Похоже, имя сменил.

Рипли нахмурился, хотя эта новость вовсе не была неожиданной.

– А самая свежая фотография сделана еще до ожогов, – он рассматривал черно-белую карточку из школьного альбома, на которой Оуэнсу было восемь. – Скажу отделу специальных проектов, чтобы визуально состарили его и добавили шрамы, как в описании, которое дали соседи. Так хотя бы примерно будем знать, как он выглядит сейчас. – Рипли потер уголки глаз, пытаясь представить, на что теперь будет похожа его жизнь, в которую входил весь этот балаган с расследованием.

– Черт бы побрал этого Оуэнса.

– Что?

– Похоже, у нас просто нет выбора, – он посмотрел на Бьянкони исподлобья. – Я хочу, чтобы его уродливая рожа висела на каждом углу. В аэропортах, на вокзалах, на автобусных остановках, на КПП. Если надо, я сам пойду ее по общественным туалетам расклеивать. И отправь запрос в Аризонский ожоговый центр. Может, его кто-нибудь там узнает.

Ожоговый центр находился всего в паре миль от офиса ФБР и был центральным для всего юго-запада страны; там были организованы программы экс-пациентской реабилитации и группы взаимопомощи выживших после пожара.

– А СМИ?

– И им звони. А я свяжусь с Вашингтоном, проверю, не назначат ли они вознаграждение. На этот раз я этому ублюдку уйти не позволю.

Глава вторая

Брайтон Бич, Нью-Йорк

Жаклин Норрис стояла в темном переулке. Она укрылась за огромным мусорным баком, наблюдая, как трое выходили из боковой двери соседнего здания – из стрип-клуба. Мужчины направились вдоль по переулку. Когда они проходили мимо того места, где стояла Жаклин, она слышала русскую речь. Один из амбалов, сопровождавший мафиозного бригадира, описывал со всеми скабрёзными подробностями то, что ему хотелось сделать с блондинкой, которая только что исполняла для него приватный танец.

– *Dobry vecher*, Костя, – Джек сделала шаг вперед, появляясь из непроглядной тьмы. Искреннее пожелание доброго вечера самому высокому из троих громадных русских.

Это был крупный сутуловатый мужчина с крайне неприятным выражением лица. Он чем-то напоминал хорька – глубоко посаженные бегающие глазки, узкие скулы и тонкие губы. Его темные волосы были гладко зачесаны назад, а густые кустистые брови почти сходились над переносицей. Костя Олексеев был одет в дорогой костюм тройку – точно по фигуре, на плечи его было накинуто кашемировое пальто. Сверкающие туфли из тонкой кожи были итальянскими, ручной работы. Но его попытки претендовать на элегантность были абсолютно безуспешны: блеклые крупные пятна убогих татуировок покрывали тонкие руки и шею, увешанные, ко всему прочему, гроздьями нелепых золотых украшений. Несколько толстых цепей и увесистый крест на груди, Rolex и тяжелые браслеты на запястьях... и широкие золотые кольца, по три на каждой руке, не то подчеркивающие тяжесть кулака и остроту костяшек, не то скрывающие зоновские наколки.

Два мужика по сторонам от Олексеева направили на Джек стволы. У одного был Макаров, у другого Токарев.

– Придержи своих псов. У меня нет оружия, – косуха Джек была расстегнута, а черные кожаные брюки и тонкая футболка плотно облегали тело.

Она медленно подняла руки, показывая, что в них ничего нет. Мужчины оглядели Джек с пристрастием и убедились, что та не лжет.

– Это может быстро измениться, – Олексеев говорил с жутким акцентом, нажимая на каждый звук. Русский английский.

– Все зависит только от тебя, – Джек держалась раскованно, в голосе ее звучала скука. – Я просто хочу поговорить.

Олексеев жестом приказал своим людям опустить оружие. Они повиновались, но стволы в кобуру не убрали.

– Вы меня искали, – подсказала Джек.

Олексеев улыбнулся, обнажая зубы, покрытые темными пятнами. Заядлый курильщик, пренебрегающий услугами дантиста.

– И мы тебя нашли.

– Да ты бы свой член не нашел, будь он хоть у тебя в трусах. Я тут стою только потому, что устала строить догадки.

Русские, стоявшие за спиной Олексеева, хохотнули, но осеклись, когда он повернулся и смерил их презрительным взглядом.

– Пахан хочет с тобой пообщаться, – сказал он Джек. Конечно же, имелся в виду глава местной русской бандитской группировки, так называемой Красной мафии.

– Чему же я обязана удовольствием личной аудиенции у него? – она знала, что редко кого приглашали переговорить с глазу на глаз с самим паханом. Обычно все его дела решали бригадиры вроде Олексеева. Личность пахана никогда не раскрывалась.

– У него для тебя работа. Большая серьезная работа.

– Почему для меня? У него полно своих людей.

– Он хочет, чтобы это сделал лучший и никак с нами не связанный. Посторонний.

Она улыбнулась.

– Кто же знал, что у него еще и вкус есть... Передайте ему, что мне не интересно.

Это была ее обычная тактика – набивать себе цену.

Олексеев недобро прищурился.

– Ох, он не обрадуется.

– Надо же! Насколько мне по барабану это... – она повернулась, чтобы уйти, уверенная, что выстрелов в спину не последует: она была нужна. Очень нужна этим русским.

– Он сделает так, что ты не пожалеешь, – поспешил добавить Олексеев. – Если, конечно, справишься с работой. Речь идет о больших деньгах. Может, с лицом что-нибудь сделала бы.

Она резко повернулась на каблуках. Тон Олексеева мгновенно смягчился.

– В смысле, ну жалко же. Ты такая красивая женщина.

Немногие осмеливались делать замечания относительно ее шрама. Он был не меньше четырех сантиметров длиной и рассекал левую щеку поперек, до самого уголка губ.

– Мне мое лицо и так нравится, – Джек откинула за спину длинные черные волосы и шагнула в круг яркого света от фонаря. Теперь ее шрам был виден очень отчетливо. – Но что-то дела последнее время идут не очень. Скажи ему, я подумую.

На самом деле, у нее уже несколько месяцев не было работы. А это значило, что оставалось слишком много времени на раздумья о своей жизни. Слишком много лишнего времени. А со своим прошлым Джек никогда не была в ладах.

– У тебя есть время до следующего утра, чтобы решить, – сообщил Олексеев. – Большие деньги.

– Большая работа, большие деньги... – задумчиво протянула она, ухмыляясь. – Что же он пытается компенсировать?

На лице Кости была озадаченность. Похоже, он не въехал.

– Тебе больше не придется возвращаться к работе.

– Ага, и бросить все это? – ответила она, не оборачиваясь. Только обвела изящным жестом глухой вонючий переулок.

– Вы, дамочка, очень хороши, но с годами не молодеете. А это может означать ранний выход на пенсию.

– Я тронута твоей заботой.

По его тону было понятно, как сильно его раздражала ее легкая манера общения.

– Мы говорим о миллионах долларов.

– Я ни с чьими псами дел не обсуждаю. Дам вам знать.

Она пошла прочь.

– Можешь мне позвонить, – предложил он.

– Я знаю, где вас найти, – ответила она не оборачиваясь.

Вслед ей донеслось сдавленное «с-сука».

– Да, и не забывай об этом, – бросила Джек, поворачивая за угол.

На протяжении последних восьми лет она работала на любого, кто предлагал хорошую цену, – фрилансер на службе у самых жестоких людей и аморальных организаций: недобросовестные политики, итальянская мафия, колумбийские наркобароны, азиаты, торгующие живым товаром. В известных кругах ее называли «тихой смертью». Безо всякой иронии: дело было в том, что никто никогда не видел, как она появляется и исчезает. Кто только ни искал ее услуг – и все благодаря ее репутации одной из лучших в своем деле.

Со временем она научилась выносить за скобки любые эмоции, связанные с убийством. Она не знала ни чем занималась жертва, ни какие мотивы у заказчика. Ей было все равно. Когда

она встала на этот путь, ею двигали жажда крови и жажда наживы. Ей нужны были средства к существованию, но Джек не рождена была для офисной работы; о том, чтобы вернуться к своим прежним «дневным» занятиям, не могло быть и речи. Слишком большой урон она понесла после провала своего задания в Израиле – урон моральный и физический. Вернувшись, наконец, в Штаты, Джек поняла, что ее непредсказуемые вспышки агрессии не позволят ей быть прежней. И она выбрала мир, где ее злоба могла найти выход. Мир, где она могла безнаказанно творить насилие, от которого когда-то пострадала сама. Она работала на людей, которых ненавидела, ради того чтобы устранять тех, кого ненавидела еще сильнее. В конце концов, в прошлом она была одним из непревзойденных убийц, получивших безупречное обучение. И пусть задания и цели, к которым она стремилась, тогда были куда более благородными. Убийца есть убийца, как его ни назови.

Поначалу Джек важен был только успех: погоня, охота, месть. Что угодно, если это помогало справиться со снами и воспоминаниями. Сейчас, спустя годы, внутренние шторма, мучившие ее так долго, начинали стихать. Хотя сон по-прежнему, не приносил покоя, мрачные мысли были вытеснены тупым неотвязным желанием уйти от этой жизни и от прошлого.

Этот противный русский с острым взглядом и масляными глазками был прав. Джек начала стареть. Годы бессонницы брали свое, а потребность в охоте давно отпала.

Ей, пожалуй, хотелось почувствовать что-то помимо злобы. Многие годы единственной мотивацией для нее была ярость. Только она вела ее. И вот теперь, казалось, она достигла точки, когда готова была... отпустить. Джек уже и не знала толком, на что была направлена ее агрессия, пока кто-нибудь неосторожным замечанием не напоминал ей шраме.

Хотя она никогда не смогла бы забыть, как ее предал единственный в ее жизни любимый человек, как предали ее те, кого она считала своей семьей и кому не было прощения. Джек ужасно устала от того, что ярость водила ее кругами, не давая идти вперед.

Ей было почти сорок. Как никогда Джек отчетливо ощущала необходимость кардинальных перемен. Нужно было все начинать с начала, а это очень непросто. Никто не знал, кто она такая. Для всего мира она была мертва. Джек, подобно призраку, предпочитала сама выбирать, когда появиться. Она давно уже забыла, что значит мечтать, нуждаться в чем бы то ни было, хоть отдаленно напоминающем нормальное. Теперь появилась перспектива сделать паузу, выполнив работу для русской мафии, известной особой жестокостью и кровожадностью. Но пока Джек не была уверена, мог ли договор на миллион долларов дать ей вдохновение и импульс, в которых она так нуждалась.

* * *

Неподалеку от парка Поднероса, Аризона

Это был первый день после возвращения в фургончик, стоявший в пятидесяти километрах от Чино Вэллей. Уолтер тщательно отчищал обшитые вагонкой стены, тер пол своего священного убежища, вымывал каждый угол с хлоркой и отбеливателем. Он стоял на четвереньках, вооруженный жесткой проволочной щеткой, и оттирал каждый сантиметр линолеума, хотя делал это после каждой жертвы. Он полировал стальной стол до блеска, потом переворачивал его и прислонял к стене. Ни единого следа присутствия кого-либо из его «доноров». После каждой жертвы Уолтер собирал одежду женщины, все ее личные вещи и избавлялся от них, рассовывая по мусорным бакам на задворках крупных магазинов или газовых заправок.

На следующее утро он провел генеральную уборку, хотя все и так уже было стерильно. Уолтер был безумно дотошным, его дотошность граничила с одержимостью: все должно быть на своих местах, ни больше ни меньше.

Хотя он провел в Аризоне почти десять лет, его пребывание не оставило особых следов – ни в доме, ни в тайном убежище. Весь его гардероб умещался в пару компактных чемоданов, а одежда была невероятно однообразна. Уолтер носил серые рубашки с коротким рукавом и черные брюки. Брюки не представляли собой ничего интересного – он всего лишь не любил джинсы и не любил выделяться. А еще у него было три пары черных ботинок, почти одинаковых. Одна из пар была предназначена исключительно для этого убежища и для места захоронения.

Вся обстановка – стул, стол, лампочка и крохотный телевизор – была подержанная, как и несколько кастрюль, сковорода и тарелки, которыми он пользовался, чтобы приготовить себе еду на электроплитке. Угол, служивший ему кухней, был оборудован стенным шкафом со встроенными полками – для пары консервных банок с полуфабрикатами и тары с питьевой водой. Удобства были, что называется, во дворе. Каждый день новый куст.

Фургончик стоял в чаще леса у безымянной грунтовой дороги неподалеку от парка Поднероса. Уолтер никогда не оставался там надолго, и в этот раз не планировал. В тот вечер он вернулся, чтобы забрать маски, реагенты, компьютер и кое-какие пожитки, прежде чем отправиться на север, может быть, в Монтану. Там было полно мест, где десятки лет не ступала нога человека и где люди, скорее всего, не появятся еще столько же.

Из фургона Уолтер планировал забрать еще скальпель, инъектор с транквилизатором и единственную маску, которую держал там, ту самую, что одевал, когда занимался... творчеством.

Он приготовил себе чашечку кофе в последний раз перед отъездом и включил телевизор, чтобы посмотреть полуденный выпуск новостей.

Главный сюжет привел его в такое смятение, что Уолтер уронил кружку и она разлетелась вдребезги.

С экрана смотрел его компьютерный портрет, такой точный, что Оуэнс сразу понял: *они все знают*.

– ФБР обращается к гражданам США за помощью в поимке одного из самых опасных серийных убийц, находящегося в розыске вот уже два десятилетия, – проговорил ведущий новостей.

– Это Уолтер Оуэнс, главный подозреваемый в деле так называемого «охотника за головами». Предположительно, он сейчас находится в Аризоне.

Репортаж продолжался, портрет Уолтера сменился видеоподборкой из Аризоны и других мест, где он раньше жил. Ведущий сказал:

– Десять жертв серийного убийцы было обнаружено десять лет назад в лесах Северной Каролины, останки еще как минимум двадцати семи женщин, найденные в пустыне Сонора, к северо-востоку от Викенбурга, ФБР тоже считает связанными с этим делом.

Снова появился фоторобот. А снизу – номер бесплатной горячей линии.

Оуэнс смотрел на экран, не веря своим глазам. Как они могли его найти? Он узнал свой снимок для школьного альбома за четвертый класс. Они изменили возраст... а шрамы были изображены с пугающей точностью.

– ФБР распространяет портрет этого человека во всех аэропортах, железнодорожных вокзалах и автостанциях, на КПП и на основных магистралях штата. На Мексиканской границе введен особый режим готовности: не исключено, что подозреваемый может попытаться сбежать из страны. ФБР предостерегает граждан: не приближайтесь к подозреваемому. Если Вы видели этого человека, звоните по указанному на экране номеру горячей линии – и Вас соединят с отделением ФБР в Фениксе. За информацию, которая приведет к аресту Уолтера Оуэнса, будет выплачено вознаграждение в размере пятисот тысяч долларов.

Он трясущейся рукой выключил телевизор. Ему нужно было время, чтобы подумать. О том, чтобы возвращаться домой, не могло быть и речи. Слишком велик был риск, что кто-то

из его соседей или продавцов магазинов, где он был постоянным покупателем, видел новости и мог его заложить, если они этого еще не сделали. Может быть, люди ФБР уже поджидают его там.

Он пытался успокоить себя тем, что в доме не было ничего, что могло выдать местонахождение тайного убежища в Пондеросе. Он арендовал фургончик давно, через интернет, а владельцу участка платил наличными. Из соображений предосторожности Уолтер никогда не заглядывал в ближайшие магазины и даже на заправки.

Он не мог вернуться домой, но и немедленно сорваться в бега – тоже. По крайней мере, пока на дорогах стояли посты, а их явно не собирались снимать как минимум несколько дней, а то и недель. Уолтеру нужно было спланировать все так, чтобы уехать как можно скорее. Он дождался сумерек, прежде чем покинуть фургончик, чтобы избежать риска быть узнанным при свете дня. И все же у него оставалось достаточно времени, чтобы успеть до закрытия одного магазина в Прескотте. Хозяин магазина мог помочь Оуэнсу сбить ФБР с толку, направить их по ложному следу. Тогда у него было бы время уйти.

Месяца два назад он зашел туда за продуктами. Уолтер и хозяин магазина были поражены тем, как похожи их шрамы, до мельчайших деталей. Этот мужчина даже говорил Уолтеру, что считает ожог чем-то вроде родимого пятна и что такое совпадение не могло быть случайным. Пригласив Оуэнса выпить кружку пива и обсудить тот печальный опыт, который был для них общим, он заявил, что шрамы связывали их особым мистическим образом.

– После того, как это случилось, моя девушка бросила меня. И ни одна с тех пор на меня даже не взглянула. Ужасная жизнь, да? – пожаловался владелец магазина.

Уолтер терпеть не мог любые проявления человеческих слабостей, а уж тем более открытого выражения жалости к себе.

Глава третья

Феникс, Аризона
На следующий день

В небольшой комнате, которую в отделении использовали для обсуждений, яблоку негде было упасть. Восемь офицеров спецназа ФБР из управления по городу Феникс в полной экипировке входили в помещение, толпясь у дверей и тесня агентов отдела криминалистики работавших над делом с самого начала.

Ник Бьянкони раздавал копии обработанного на компьютере изображения подозреваемого, Пол Рипли ждал, пока все займут места. На стенде позади него были прикреплены фотографии жертв «охотника за головами» и мест, где были найдены тела.

– Вот что нам известно на данный момент: – начал Рипли, – «охотник за головами», урожденный Уолтер Оуэнс, семьдесят пятого года рождения, Плезант Хилл, Айова, единственный ребенок в семье. В девять лет попал в автокатастрофу, на левой стороне лица большой шрам.

– Операбельный?

– Шрам от ожога. Неоперабельный, по мнению пластического хирурга, которого мы пригласили для консультации. – Рипли подглядел в папку, которую держал в руке, хотя помнил досье наизусть.

– Спустя одиннадцать лет поджог дом своей семьи, убил родителей, предварительно опустошив их банковские счета. Забрал почти полмиллиона долларов. Криминалисты нашли на месте пожара образцы ДНК Оуэнса, они совпадают с образцами из-под ногтей одной из его предполагаемых недавних жертв.

– Той девушки, которую мы нашли в пустыне, – вставил Бьянкони. – Она – одна из двадцати семи жертв, которые там найдены на данный момент, и, мы думаем, это еще не все. В Северной Каролине этот маньяк убивал, как по графику, – раз в три месяца, и, мы полагаем, он был в Аризоне с тех самых пор, как лет десять назад обнаружили первых жертв.

Рипли показал на одну из фотографий из пустыни Сонора, с места, где нашли тела.

– Судмедэкспертиза показала, что последняя жертва – женщина из Юго-Восточной Азии, приблизительно двадцати лет. Она была убита уколом в сердце. Ей ввели широко доступный крысиный яд – дифетиалон. А это полностью сходится с почерком «охотника за головами», мы с ним знакомы еще с Северной Каролины. Но там все жертвы были белыми, местными, о тех девушках было заявлено как о пропавших без вести. А эта, последняя, не опознана. И хотя нам не удалось установить личности остальных жертв в Соноре, ни по ДНК, ни через базы данных стоматологических клиник, похоже, все эти женщины из Азии.

– Нелегальный поток?

– Наверное. Мы пока работаем над этим вопросом.

Глядя на фотографию жутким образом обезглавленной неопознанной жертвы, Рипли продолжил:

– Поначалу наш дружок отнимал им головы. Но потом усовершенствовал технику. Последние жертвы из Северной Каролины, как и наша свеженькая Василиса Пупкина, с головой, но без лица. Лицо удалили хирургическим путем, вероятнее всего, при помощи скальпеля. Отдел исследования поведения считает, что это выражение его собственного уродства, хотя, вероятно, наш дружок хранит лица как своего рода трофеи, может быть, консервирует их каким-то образом.

– Большой убудок! – вырвалось у одного из агентов в первом ряду. Он кончиками пальцев коснулся своего лица.

Рипли показал на фотографию симпатичной брюнетки с обворожительной улыбкой.

– Я уверен, что вы помните случай мисс Драшев. Единственная жертва, которой удалось спастись.

– Как такое забыть... – сказал кто-то во весь голос.

– Ее показания привели нас на место, где были найдены первые тела. Именно после этого «охотник за головами» сменил место проведения своих... операций. А сегодня утром у нас, наконец, наметился перелом в ходе следствия. На номер горячей линии позвонила женщина из Чино Вэллей, она сказала, что ее сосед подходит под описание. Дом подозреваемого арендует человек по имени Виллиам Стайкс. Но этот Виллиам Стайкс не значится ни в одной базе данных страны. Он все счета оплачивает наличными.

– Это точно вымышленное имя.

– Ага. Наш дружок всеми силами старается не попасться. Это не тот тип, который ради славы играет в игры с полицией, чтобы привлечь к себе внимание СМИ, – Рипли повернулся к командиру отряда спецназа. – Мы установили наблюдение за домом в Чино Вэллей после того, как час назад нам поступил звонок. В доме ничего не происходит. Мы хотим взять этого типа живьем. Уверен, ему есть, что нам рассказать. Операцию поведу я.

Рипли произнес, обращаясь ко всем:

– Вопросы есть?

Вопросов не было.

– Отлично. Тогда идем брать его.

Когда агенты ворвались в дом подозреваемого, они сразу обратили внимание на невыносимый запах химикатов. Спецназовцы технично рассыпались по комнатам – целый отряд опытных офицеров с пистолетами наперевес. Вышибали двери в спальню, ванную, кабинет, проверяли все шкафы и другие места, где можно было спрятаться.

Крики «Чисто!» звучали то тут, то там, нарушая шипящее молчание в радиоэфире, во время обыска обеих этажей дома.

– Дверь в подвал заперта, – доложил Рипли один из офицеров, – там серьезный железный замок, нужен резак.

– Так достаньте резак! – приказал Рипли. Повернувшись к Бьянкони, он распорядился:

– Прочесать его компьютер. Постарайтесь найти любые зацепки по части того, где он может быть сейчас.

В доме все было досадно *нормальным*. Мебель, которой пользовался подозреваемый, была, скорее, функциональной, чем красивой. Никакого завала личных безделушек, которые хранить не хочется, а выбросить жалко, как это бывает в других домах. По всему было видно, что Уолтер Оуэнс был помешан на чистоте.

На его столе в кабинете не обнаружили ничего, кроме ровненькой стопки счетов. Даже никакой личной переписки, ничего, что могло бы связать его с убийствами. Мусорное ведро в кухне содержало только самые обычные пищевые отходы, а банановая кожура, лежавшая сверху, оказалась такой свежей, что можно было с уверенностью сказать: хозяин дома был там не более чем пару дней назад.

– Этот мужик, блин, как Фред Флинстоун, – с изумлением проговорил один из агентов, выходя из спальни, – у него вся одежда одинаковая.

Когда удалось одолеть замок на двери в подвал, Рипли и четверо спецназовцев держали свои «Глоки» и «Зиг Зауэры» на изготовку. Рипли вышиб дверь и увидел... только первые пару ступеней, ведущие в непроглядную тьму, глубоко вниз, точно в бездну.

– Фонари. На «три», – Рипли дал отсчет и ринулся вниз по ступеням. Едкий запах химикатов был таким сильным, что немилосердно защищало глаза.

Когда они поняли, что и в подвале никого нет, один из агентов зажег лампу на рабочем столе Уолтера. Рипли увидел, как агент невольно отступил на шаг, точно укушенный. Другой спецназовец, за спиной Рипли, тревожно коротко втянул воздух сквозь зубы. Еще один выру-

гался вполголоса. Рипли повернулся и, как и офицеры, застыл с раскрытым ртом, глядя на стену, увешанную масками. Хотя в свете лампы все предметы в подвале отбрасывали густые тени, тщательно сохраненные лица были освещены достаточно хорошо.

Первое, что пришло в голову Рипли, когда он вновь обрел способность мыслить, было: «Господи, сколько же их тут!».

Вторая мысль была о том, как этот жуткий маньяк трудился над тем, чтобы запечатлеть все возможные выражения человеческих эмоций.

Рипли думал, что за четверть века своей карьеры в ФБР повидал уже все разновидности насилия, порождаемого больным разумом, и прочей подобной мерзости. Но такое он видел впервые. Рипли, как мог, боролся с рвотными позывами. Агент справа он него оказался менее стойким, его вырвало прямо на цементный пол.

– Простите, – промямлил он, вытирая подбородок.

– Боже, они же настоящие, – другой агент подошел к стене с масками, чтобы рассмотреть их в деталях. Рипли последовал за ним. Это были лица белых девушек, а не азиаток. Очевидно, жертвы периода «охоты за головами» в Северной Каролине, когда маньяк делал только свои первые попытки. У одной маски рот был слишком растянут в гротескном и жутком подобии улыбки, точно у сумасшедшего клоуна. У другой на месте глаз были страшные темные провалы, а искривленные брови были неровными стежками пришиты слишком высоко – навсегда застывшее выражение изумления.

– Пол, – позвал Бьянкони с лестницы, – тут кое-что есть, тебе стоит взглянуть.

Рипли с радостью покинул жуткий подвал с этими лицами и невыносимым запахом. Он уже знал, что маски эти будут сниться ему не одну ночь. А его мозг будет мучительно пытаться мысленно сопоставить их с фотографиями пропавших девушек из Северной Каролины.

– Только взгляни, – Бьянкони развернул лаптоп к Полу.

– Невесты из Тайланда, Индии, Китая и Меконгского региона на заказ.

Рипли наклонился к дисплею.

– Н-да, вот что у нас сейчас называется живым товаром.

И именно в тот момент раздался сигнал о входящем сообщении.

«Мы надеемся, что Вы довольны своей последней покупкой, – прочел Бьянкони вслух. – Мы ждем Вашего следующего заказа». Он поднял взгляд на Рипли.

– Он что, девушек через интернет покупал?

– Заверните, – бросил Рипли. – Пусть сюда приедут криминалисты, но наши шансы найти его гораздо выше, если мы изучим его поисковые запросы и переписку по сети. И пусть кто-нибудь займется его телефоном.

Когда они шли обратно к машинам, у них перестали принимать мобильные – работа агента, который занимался мониторингом горячей линии.

– У нас зацепка. Анонимный звонок из автомата. Говорят, что Оуэнс арендует фургон к юго-западу от Прескотта, в районе парка Поднероса.

* * *

Дождь лил как из ведра, когда море агентов ФБР разлилось вокруг фургончика. Видимость была крайне низкой, а шум капель о крыши служебных машин не позволял расслышать, был ли внутри фургончика кто-нибудь. Несколько агентов заняли позиции у дверей своих машин, а спецназовцы укрылись за деревьями.

Стоя позади своего седана, прямо рядом с дверью фургончика, специальный агент Пол Рипли оглядел позиции своих подчиненных. Он был доволен, что Оуэнсу не оставили шанса ускользнуть.

У всех агентов на спине красовались ярко-желтые буквы «FBI» или «SWAT», влажно отсвечивавшие флуоресцентом. Темно-синие форменные куртки заметно топорщились, наде-тые поверх бронежилетов.

Рядом с фургончиком стоял старый «Линкольн»: скорее всего, Оуэнс не успел смыться. Близились сумерки. Рипли надеялся, что мощные силы, стянутые на место задержания, обеспечат операции успех. Он поднял громкоговоритель:

– Уолтер Оуэнс, говорит специальный агент Пол Рипли, ФБР. Фургон окружен. Выходите медленно, руки за головой.

Прошло три долгих минуты, ни движения, ни звука в ответ.

– Это ФБР. Фургон окружен. Выходите, руки за головой. Если в течение двух минут Вы не подчинитесь, я отдам спецназу приказ взять Вас.

В следующие две минуты ответа не последовало, Рипли приказал ворваться в фургон.

Он сразу понял, что что-то не так. Через какие-то секунды командир отряда спецназа со стволом наперевес, показался в дверях фургона и махнул Рипли, мол: «Заходите».

Оуэнс совершил самоубийство, незадолго до того, как они приехали.

Они нашли его обмякшим на одиноком стуле, возле него лежал револьвер тридцать восьмого калибра. На лице у него была одна из масок, изрядно пострадавшая от выстрела: Уолтер снес себе полголовы. На коленях у него лежала предсмертная записка:

*Я не хотел бы им боль причинить,
Я не хотел их за что-то винить,
Я лишь забирал то, что было у них,
То, что они не умели ценить.
О чем сожалеть —
Красоту я искал,
Художник, кто скрыл,
Что чудовищем стал.
Теперь, чтоб и правду скрывать не пришлось,
Я вам покажу, с чего все началось,
А девам, погибшим от этой руки,
Лежать в Каролине у самой реки.
Я вам предаю свои тело и совесть,
Художник, рожденный под именем Оуэнс.*

* * *

*Юго-запад Колорадо
Неделю спустя*

– Они будут здесь с минуты на минуту, – улыбнулась Джоан Грант, заведующая учебной частью. Она подтянула галстук Монтгомери Пирса.

Бабочки начали порхать в животе Пирса – привычное ощущение после самого мимолетного знака внимания со стороны Грант. Отношения Монти, главы Организации элитных наемников, и Джоан с недавнего времени развивались стремительно и приобрели совершенно новые оттенки интимности, так что ее жест был почти смешным.

– Спасибо, милая.

Монти без стеснения смотрел любовным взглядом в ее яркие зеленые глаза. Нет, он не видел ни гусиных лапок, ни сеточки морщинок на лбу, ни седины. Пусть все это и выдавало

возраст Джоан – а ведь ей было уже шестьдесят с хвостиком, взгляду Монти представала все та же блистательная девушка, очаровавшая его сорок лет назад, когда они были еще курсантами.

В просторном кабинете Пирса они были одни. Они стояли у окна, глядя на комплекс ОЭН в Скалистых Горах, раскинувшийся на территории в добрых 25 гектаров. Если бы не высокий забор с колючей проволокой и камерами, комплекс походил бы на частную школу, за которую его, собственно, и выдавали. Большинство зданий было краснокирпичными жилыми корпусами, там размещались общежития курсантов и кабинеты для занятий. Конечно же, были еще спортивные площадки, гимнастические залы, а в центре комплекса красовалось массивное здание в неоготическом стиле – администрация.

Выдающиеся выпускники школы, которые собрались в соседнем помещении, показали в свое время превосходные результаты не только в учебе. Это были одни из самых совершенных тайных агентов, которым поручали миссии, выходящие за пределы компетенции обычных властей.

Монти как раз собирался спросить Джоан о ее планах на вечер, как вдруг раздался стук в дверь.

Джоан отошла от Пирса на шаг и громко ответила:

– Да?

– Нам пора бы идти, – это был голос Дэвида Атэра, начальника отдела боевой подготовки ОЭН, третьего руководителя Организации.

Атэр открыл дверь, и Монти пригласил его войти, но тот остался на пороге. Его волосы были пострижены «бобриком» и окрашены в ярко-медный цвет, чудным образом контрастировавший с неизменной армейской формой цвета хаки.

– Они все собрались.

– Мы пришли к соглашению? – Монти обращался к обоим, но смотрел только на Джоан.

– Она слишком молода, – отозвалась Грант.

– И неопытна, – добавил Атэр.

– Но она способна великолепно выслеживать, а значит, идеально подходит для этого задания. Найти Оуэнса будет нелегко. Он может быть в любом уголке планеты, – возразил Монти. – И, вообще-то, да, она *молода*. И привлекательна, – сказал он, повернувшись к Джоан. – И это нам только на руку.

– Боже, Монти, ты говоришь так, словно собрался использовать ее в качестве приманки, – Грант отвернулась.

– Он прав, Джоан, она справится, – проговорил Атэр. – Ты видела, *что* ей по силам. У нее три черных пояса: тхэквондо, кэндо и крав-мага. И ты знаешь, как она орудует клинками.

– Так что все согласны, – подытожил Монти.

– Ага, – Атэр направился к конференц-залу, Джоан взяла со стола Монти досье оперативницы.

Он остановился у дверей подождать Грант, но та прошла, не поднимая глаз. В голосе ее звучала печаль:

– Они нас ждут.

* * *

Десять лучших представителей Элитных тактических сил – пять мужчин и пять женщин, приглашенные на обсуждение, – собрались в конференц-зале, примыкавшем к кабинету Пирса. Одни пили кофе возле роскошного буфета, другие, которые давно не виделись, прохаживались, обсуждая последние новости друг друга. Когда вошли три руководителя ОЭН, все разговоры стихли.

– Прошу всех садиться, давайте начнем, – проговорил Монти.

– «Три», «два», «один» – и он взлетает, – услышал Монти, когда прошел к окну и по привычке опустил рольставни. До боли знакомый ироничный женский голос принадлежал Аллегро.

– Ну, знаешь, это на случай, если марсиане шпионят за нами через свои до хрена мощные телескопы, – добавила Аллегро полупшепотом, обращаясь к Домино, сидевшей рядом.

– Я все слышу, – Монти повернулся, встретился взглядом с Аллегро. Господи, кто бы знал, как он ненавидел этот ее вечный апломб, эту самонадеянность.

– Кстати, я тебе пару билетов до Амстердама отправил.

– Что? Зачем еще? У нас работа.

Он пододвинул стул и занял место между Грант и Атэром за большим круглым столом цвета махагон.

– А некоторым нужно отдохнуть.

– С каких это пор я должна расплачиваться за...

– Это закаляет характер, – отрезал Монти. Домино рассмеялась, увидев, как шокирована Аллегро.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь...

– Довольно. К делу.

Крайне редко бывало такое, чтобы так много ЭТС собиралось на одном обсуждении, вовлекалось в одно задание. Но операция, которую руководящее трио решило провести, была чрезвычайно сложной, и могло понадобиться много оперативников.

Каждый ЭТС великолепно подготовлен к любым ситуациям, но большинство имеет специализацию. Домино – непревзойденный стрелок и мастер перевоплощения, Аллегро всегда была незаменима, когда требовалось что-то отыскать, вскрыть сейф или вести погоню на дороге. Рено, компьютерному гению, поручали задания по промышленному шпионажу, используя его бесценный навык взлома любых кодов и получения доступа к базам данных. Морок эффективнее всех работала под прикрытием, она могла войти как своя в группировки, занимавшиеся контрабандой оружия, наркотиков, живого товара. В последние годы большинство ее заданий было связано с освобождением заложников сепаратистов. У нее был ценнейший опыт работы с такими группами и масса контактов.

– Если вы в последнее время смотрели новости, то должны знать о деле «охотника за головами». Сейчас освежим кое-какие подробности и расскажем, что нам недавно стало известно. – Монти в деталях описал самого опасного серийного убийцу, его прошлое, его жертв в Северной Каролине и пустыне Сонора, то, как ФБР установило личность Уолтера Оуэнса, основываясь на данных исследования ДНК, о том, как нашли его дом и фургон, благодаря звонкам на горячую линию.

– И, как вы знаете, неделю назад ФБР заглянули в фургон Оуэнса и... по их мнению, нашли подозреваемого. Он был мертв, с дырой в голове. Все сходилось. И рост, и вес, и ожоги на лице. На нем даже была одежда Оуэнса и одна из масок. И он оставил предсмертную записку, благодаря которой были найдены еще две жертвы. Поначалу смущало только то, что у него были обгоревшие кончики пальцев. Федералы решили, что он сделал это нарочно, чтобы его не обнаружили по опечаткам, а самоубийство совершил только когда осознал, что ФБР у него на хвосте, а все трассы перекрыты.

Он взглянул на лица своих оперативников.

– Однако тот, кого они нашли в фургоне, был не Оуэнс. Это была подстава. Вчера судмедэксперты это подтвердили.

– Агенты ФБР прокололись: они успели объявить прессе, что дело закрыто, до того, как были получены результаты анализа ДНК, – вставил Атэр. – Они сняли посты на трассах и особый режим на границе, дали Оуэнсу достаточно времени, чтобы ускользнуть. Машина, кото-

рую Оуэнс бросил у мексиканской границы, была угнана как раз в ту ночь, когда ФБР провело рейд. Причем угнана неподалеку от фургона, расстояние можно легко покрыть пешком. Старый хозяин машины спохватился только на следующее утро. Очевидно, Оуэнс пробрался в дом и выкрал ключи. Раз подозреваемый ускользнул из страны и больше не находится в юрисдикции ФБР, за дело беремся мы.

– Оуэнс не остановится, – сказала Монти. – Из его истории очевидно, что, как только он чувствует, что его вот-вот раскроют, срывается на новое место. Выжидает, потом через пару лет снова появляется и продолжает убивать. Федералы очень хотят его голову. Они уже дважды профукали его на глазах всей общественности.

Пирс повернулся к Рено, положив ладонь на одну из папок, которые принес с собой.

– Логи его ПК, – Монти, точно отдал пас, направил папку Рено. – Неплохое начало для удачного поиска.

Папка, вращаясь проскользила по столу. Рено взял ее в руки.

Пирс добавил:

– Там имя человека из Бюро, эксперта по ИТ, который над этим работал. Выйди на него, посмотрим, может, так появятся какие-то зацепки.

Рено сразу покинул конференц-зал, Монти вернулся к обсуждению.

– Раз у нас столько неизвестных в данной миссии, я хочу, чтобы эта группа обеспечивала мощное прикрытие со всех сторон. Кто-то из вас будет работать над делом отсюда, удаленно, кто-то в режиме готовности будет ждать, когда потребуется его участие. В первую очередь, нам нужен оперативник в поле, ЭТС, конечно. Необходимо начать разыскивать Оуэнса немедленно.

– Отправьте меня, – вызвалась Аллегро. – И очень скоро я отправлю этого больного ублюдка к праотцам.

Домино закатила глаза.

– Господи, если она спасла мир, то теперь будет думать, что он принадлежит ей.

Остальные рассмеялись.

Потом она добавила, уже серьезно:

– Монти, я тоже предлагаю свою кандидатуру.

– Его нужно взять живым. Они хотят допросить его о других жертвах, чтобы проверить его выходы на азиатских торговцев живым товаром. А еще они хотят шумиху в СМИ, чтобы в этот раз публика поверила, что они, наконец, поймали этого типа. Наша задача – вернуть его ФБР, а они уж разберутся, что с ним делать.

– Я – как всегда, – вставила Камео. Конечно, она предлагала свое участие.

– Благодарю, дамы, – сказал Пирс. – Но у меня на уме другая кандидатура. Пусть это задание выполнит тот, у кого наиболее подходящее досье.

– И у кого же оно наиболее подходящее? – поинтересовалась Аллегро.

– У кого меньше опыта и меньше желания противоречить, чем у тебя, – ответил Пирс, глядя на нее. – И кто не позволяет себе нарушать правила и гнуть свою линию при каждой возможности.

Он повернулся к Домино и Морок.

– И это должен быть кто-то, кого азиатские торговцы живым товаром так легко не узнают, – добавил он многозначительно.

Монти указал на девушку, сидевшую слева от него.

– Морок ведет контакты и прикрытие. Ты нам понадобишься на этом конце провода, чтобы знать, как подступиться к этим торгашам, если Рено отыщет выходы на них на компьютере Оуэнса.

Пирс положил руку на досье «охотника за головами».

– Кодовое имя цели – «Лик», – проговорил он и сделал небрежное движение. Папка плавно заскользила по столу. Все взгляды были прикованы к папке, пока она не остановилась под пальцами той, кому предназначалась.

– Рысь, операцию «Маска» ведешь ты, – проговорил Пирс.

Глава четвертая

Манхэттэн бич, Нью-Йорк

Большинство соседей Юрия Драшева в Бруклине на первой линии от океана были господа немолодые и более чем состоятельные. Богатые дома отражали их изысканные представления об эlegantности. Это были ухоженные особняки в духе Тюдор и в колониальном стиле, с вылизанными лужайками и фигурно подстриженными кустами. Если бы у каждого дома ни стояло по несколько автомобилей класса люкс последних моделей, можно было бы сказать, что владения соседей лишены показного блеска.

– Вот тебе и соседи, – подумала Джек, когда подъехала к дому русского авторитета – недавно отстроенной крепости из красного кирпича, окруженной высокой кованой оградой. Особняк отчаянно выделялся на общем фоне не только размерами, но и кричащей эклектичностью архитектурного решения. Флигели были увенчаны золочеными куполами, подчеркивавшими национальность владельца. Решетчатые окна были обрамлены аляповатыми изразцами ясно-голубого цвета с немыслимым золотым орнаментом. Шесть позолоченных колонн стояли сверкающим рядом, по три с каждой стороны от массивной двери, окрашенной все в тот же кирпично-красный.

Лужайка перед особняком изобиловала классическими итальянскими скульптурами – преимущественно обнаженная натура. А в центре красовался фонтан – четыре латунных дельфина, вращаясь, плевали во все стороны слегка подкрашенной водичкой.

У въезда была припаркована единственная машина – канареечно-желтого цвета Хаммер с огромной аэрографией на боку, изображавшей феникса.

Интерком справа от запертых чугунных ворот приветливо мигал зеленым, но Джек даже не пришлось делать вызов. Как только она оказалась в пределах видимости камер наблюдения, ворота автоматически открылись и впустили ее. Когда она подошла к двери, не понадобилось и стучать: на пороге ждал Олексеев.

– Входи, – сказал он и сделал шаг в сторону.

– Еще одна понтовая деталь имиджа? – отозвалась Джек, кивая на автомат Узи, висевший у Олексеева на шее.

Интерьер особняка не оставлял глазу возможности отдохнуть: нагромождение предметов роскоши делало внутренне убранство еще более броским, чем внешнее. Из просторной прихожей влево и вправо расходились дубовые двери. Прямо перед Джек вилась огромная мраморная лестница, над которой чудовищной громадой нависала стилизованная люстра из оленьих рогов. На стенах были развешаны охотничьи трофеи – головы вепрей, барсов, лосей... Они жутким образом сочетались с мохнатыми искусственными тигровыми шкурами на ступенях и бурым медведем-ковром в прихожей. На все это таксидермическое великолепие с выражением немого одобрения взирала со стены православная Богоматерь – копия какой-то знаменитой иконы.

Олексеев повел Джек направо, сквозь разноцветную стеклярусную занавеску, в огромную гостиную. Стены были окрашены в порядком поднадоевший кирпичный; вдоль них стояли бархатные кушетки, почти не разбивавшие цвет, покрытые леопардовыми шкурами и загроможденные блестящими парчовыми подушками с бахромой. На стеклянном столике посередине красовался самовар в окружении расписных шкатулок – не то коллекция сувениров, не то нелепая попытка спустя поколения не терять связи с русскими корнями.

У окна располагался роскошный бар с ломившимися полками и зеркальной задней стенкой в золотом обрамлении. У противоположной стены стоял стеклянный стеллаж с дюжиной

наборов матрешек. На шахматной доске были расставлены любопытные фигуры: красноармейцы против американских солдат.

– Подожди вот здесь, – Олексеев указал на огромную красную кушетку.

– Я сюда не ждать пришла, – Джек развернулась было, чтобы направиться к двери, но услышала за спиной хриплый голос:

– Мисс Норрис, добро пожаловать ко мне в гости. Я рад, что Вы решили взяться за эту работу, – Юрий Драшев улыбался ей, демонстрируя золотые зубы. Он был высоким, тучным и лысым, на вид ему можно было дать лет пятьдесят. У него были густые аккуратно подстриженные седоватые усы и короткая узкая борода от уха до уха. Красный нос с крупными сосудами выдавал неумеренную любовь к водке. От нее же происходили и мешки под серьезными карими глазами.

– Я еще ничего не решила.

– Проходите, пожалуйста, и садитесь, – он указал на кушетку. – Выпить?

– Водки. Чистой.

Драшев щелкнул пальцами, и Олексеев бросился к бару, как выслуживающийся щенок, готовый принести хозяину тапочки.

Джек прошла к стеллажу, оглядывая китчовых матрешек, точно выставочные экспонаты.

Среди обычных улыбающихся «баб» были и наборы, ориентированные на туристов: персонажи сказок, герои диснеевских мультиков, советские и американские политики, четверка Beatles и другие поп-музыканты.

– Красиво, а? – с гордостью спросил Драшев, протягивая руку в жесте хвастовства. Он держался так, словно ждал, что Джек станет преклоняться перед его богатством и роскошью. – Нует? – настаивал он, перейдя на русский, когда ответа не последовало, точно вопрос был риторическим.

– Это точно. За деньги можно купить все. Или почти все.

– Э, чего-то не хватает?

– Кроме вкуса? Да ладно, это всего лишь мое мнение.

– Если ты возьмешься за эту работу, тебе тоже обеспечена такая жизнь.

Драшев продолжал улыбаться, и Джек не могла понять, неужели эти смерть-машины так тупы, что не чувствуют, когда в их адрес звучит оскорбление. Похоже, они даже не допускали такой возможности.

Джек знала, что о русских думали, будто в делах они неорганизованны, а в подходах крайне примитивны. Но вообще-то в своем деле они были лучшими, едва ли не безупречными. У них хорошо шло все, за что бы они ни брались, – от торговли наркотиками до ввоза живого товара. И все остальное, что можно втиснуть в один ряд между этими пунктами.

Олексеев вернулся с двумя стаканами водки в руках и церемонно передал их хозяину и госте. Джек подняла свой стакан и произнесла тост.

– Davai! – она сделала глоток и поставила стакан.

– Хороша, а? – спросил Драшев.

– Водка и «калаш» – это лучшее, что дала миру Россия, – согласилась Джек и откинулась на спинку кушетки, утопая в блестящих подушках.

Пауза.

– Так зачем я здесь, и во сколько я тебе обойдусь?

– Уверен, что ты слышала об «охотнике за головами».

– Как и все цивилизованные люди. И что?

– Дочка моя, Нина. Она была еще совсем ребенком, когда десять лет назад ей удалось от него сбежать.

– Слышала об этой истории.

– Федералы снова облажались. Он был так близко, а они его упустили. Веришь? – Драшев поднялся и стал мерить шагами комнату, уперев руки в боки. – Моя дочь десять лет как лишилась сна. Каждую ночь ее мучают кошмары. Я показывал ее врачам. Этим мозгоправленным, знаешь...

– Мозгоправам.

– Да, я это и хотел сказать. Они лекарства пробовали, терапию – ничего не помогает.

– Очень жаль, – выразительно произнесла она. Для Джек сон тоже был недоступным удовольствием.

– Ничего не помогает, – повторил Драшев уже громче. – Этот гребаный козлина так ее ранил. Моя Нина так боится, что он за ней вернется. Я поставил круглосуточную охрану, чтобы она чувствовала себя в безопасности, но все напрасно. – Он потер глаза, точно пытаясь стряхнуть с сознания пелену. – Я мечтаю задушить его своими руками. Я бы ему голову оторвал, только бы моя девочка спала спокойно. Она очень много для меня значит.

Как поэтично, честное слово. Если нет открытки Hallmark с таким текстом, то обязательно должна быть.

– Да уж, – ответила Джек, все еще не понимая, как ее занесло в этот дом.

– Я так и сделаю, – глава самой крупной бандитской группировки Нью-Йорка сказал это скорее себе, чем собеседнице.

– Окажешь всему миру огромную услугу.

– И как можно скорее, – продолжил он, точно пропустил ее реплику мимо ушей.

Драшев перестал мерить комнату шагами и сел, точно ему, наконец, удалось побороть образы, переполняющие его сознание.

– Ты знаешь, где он? – спросила она.

– Конечно, нет, – он впери в нее тяжелый взгляд своих темных глаз. – Ты мне его достанешь.

– Совсем от водки в уме повредился? – Джек поднялась на ноги. – Да он где угодно может быть.

– Да. Поэтому я готов заплатить тебе большие деньги за то, чтобы ты его нашла. Я знаю, что у тебя в определенных кругах есть друзья.

Насчет того, что Джек обладала уникальной инсайдерской информацией, он был прав.

Многие годы ее работой было прикрывать зад грязных политиков, чиновников в исполнительной власти и федеральных агентов. Она знала неприглядные подробности жизни чиновников из высоких эшелонов власти, и в той среде у нее был не один должник.

Она снова села, откинувшись на спинку кушетки, сделала глоток водки, обдумывая, к кому можно обратиться.

– Так что тут дело между твоими и моими друзьями, – продолжил Драшев. – Мы могли бы отыскать сукина сына.

– А почему я? Если у тебя есть, где взять информацию, и полно таких, как он, – Джек кивнула на Олексеева.

– Это мои люди. А они не охотники. Ты эту работу знаешь, как никто. Тихая Смерть, да? И потом, у меня по бизнесу сейчас запар хватает.

– Это они просто пока не поняли, что ты связан с этой хреновой тучей оружия, которое поставляют через Сьерра-Леоне, – сухо проговорила Джек, просто констатируя факты.

У русского от изумления глаза полезли на лоб.

– Ну да, я домашнее задание делаю, – добавила она. – Просто решила полюбопытствовать, что за дерьмо ты мне предложишь за тобой подтирать.

Драшев продолжал буравить ее взглядом, и Джек не без удовольствия отметила, что в глазах у него были восторг и ужас, – он, наконец, понял, что она способна убить любого. Хотя Драшев знал, какая у нее репутация, он все еще недооценивал Джек. Русские были из тех,

кто заставляет своих наемников замолчать навсегда, едва заказ будет выполнен. Теперь у Джек была гарантия, что с ней так не поступят. Для этой работы она, безусловно, была лучшей, и весьма вероятно, что ее услуги могли потребоваться вновь.

Джек смотрела на прозрачное содержимое стакана, в задумчивости покачивая им. Водка внутри закручивалась маленьким водоворотом.

– Да, я нужна тебе, и ты, наверное, не раз еще обратишься ко мне за долгое, долгое время, – сказала она, не поднимая головы. – И уж чья-чья, а моя смерть тебе не выгодна.

Джек, наконец, подняла на него взгляд.

– Сколько?

– Миллион долларов.

– Не пойдет, – она поставила стакан на стол, как будто собиралась уходить. – Черт знает, сколько у меня может уйти на то, чтобы его отыскать.

– Миллион – большие деньги.

– Но маловато для того, чтобы я чувствовала себя довольной. Видал текущий индекс Доу-Джонса? Что такое миллион долларов!

Драшев недобро прищурился.

– Сколько?

– Три. И половину вперед. И не обещаю, что достану его живым.

– Ты рехнулась?

– А как насчет того, чтобы повесить ценник на благополучие любимого человека?

Упоминание о дочери заставило его пересмотреть свое решение. Это не заняло много времени.

– Тогда два условия.

– Давай-ка послушаем.

– Первое. Если не сможешь достать его живым, тогда я хочу голову этого урода в качестве подтверждения.

Она едва заметно кивнула.

– А второе?

– Хорошо бы тебе оказаться круче, чем говорят. Это очень большие деньги. Выполнишь все, как договорились, – получишь остальное. Его второе условие было озвучено таким будничным тоном, как будто речь шла о погоде.

– Как скажешь.

– А если не справишься, мне на память привезут твою буйную головушку.

– Это еще почему?

– Политика Красной мафии. Мы не даем денег просто так. Кто допустил промах должен быть наказан, как полагается. Ну что, договорились?

Драшев протянул руку. Джек не шелохнулась.

– Получу половину суммы, тогда – «договорились».

Глава пятая

Мокорито, Мексика

– Как сегодня Ваш рот? – доктор Герберт Венсан аккуратно убрал повязки с носа Уолтера, с улыбкой отмечая быстрое заживление.

– Отек уже прошел, – щеки и подбородок Уолтера уже не выглядели воспаленными, импланты в них смотрелись вполне естественно. Оставался лишь небольшой дискомфорт во время еды, и то только тогда, когда пища оказывалась слишком твердой. Поначалу было трудно даже говорить. А носовые ходы были так раздражены, их стенки так опухли после ринопластики, что даже дышать было трудно.

Уолтер молча указал в сторону столика у двери, там стояло увеличивающее зеркало. Доктор услужливо поднес его Оуэнсу, чтобы тот взглянул на нового себя.

– Что скажете?

– Сойдет, – проговорил он, довольный увиденным. – Не важно, как я выгляжу.

Припухлость под глазами почти исчезла. Уолтер никак не мог привыкнуть к разительным переменам в своей внешности. Вместо привычного скошенного подбородка он теперь видел вполне солидную, даже тяжеловатую челюсть, а высокие скулы теперь казались куда шире, что делало его ближе к идеальному образу, к собственным представлениям о выразительном мужском лице.

Конечно, Уолтер надеялся, что врачу удастся что-нибудь сделать со шрамом. Впрочем, дермабразия дала некоторые результаты: кожа выглядела гораздо ровнее.

Операция длилась два часа. Рассечения, сделанные для установки имплантов, не были заметны: для импланта, который увеличивал подбородок, потребовалось сделать разрез в нижней губе, а два других импланта, для щек, были вставлены через верхнюю губу. Языком Уолтер еще чувствовал швы, но они уже начали рассасываться, как и те, которые доктор наложил, когда расширял носовые ходы и корректировал форму ноздрей.

Результат оказался куда лучше, чем ожидал Уолтер. Когда его высадили у неприметной клиники, он приготовился к худшему. Но выбора не было – повсюду висели его изображения. Нужно было сильно изменить внешность, и как можно скорее, а прием врача в обычной больнице, тем более, консультация именитого пластического хирурга, была сопряжена со значительным риском. Уолтер мысленно благодарил того человека, который доставлял ему незаметных «доноров». У того оказалось достаточно связей в преступном мире Мексики, чтобы быстро найти выход на хирурга, который мог сделать все необходимое тихо и не задавая лишних вопросов.

К удивлению Уолтера, врач оказался американцем и вдобавок мастером своего дела. Доктор Венсан был очень ценным специалистом – он создавал новые лица для криминальных авторитетов в бегах. Человек, который привез Оуэнса в клинику, сказал, что какое-то время Венсан практиковал то же самое в Штатах, пока у него не изъяли лицензию за фальсификацию медицинских свидетельств.

Уолтер проникся уважением к доктору. В отличие от врачей, которых Уолтер помнил с детства, Герберт Венсан не был нелюдимым и отстраненным. Доктор, казалось, искренне заботился о благополучии Оуэнса и даже предложил ему остаться в течение периода заживления в отдельной комнате в пристройке клиники, чтобы не рисковать лишний раз, регистрируясь в гостинице.

– Вот, через пару дней можно будет выписываться, – Венсан снова улыбнулся. Уолтер запустил ком грязной марли в мусорное ведро.

– Со всем остальным – тоже порядок? Не нужно ли еще обезболивающего?

– Спасибо.

– Скажу Бетти, чтобы принесла вместе с обедом, – Венсан поднялся со стула. – Я приду через минуту, только принесу новое фото для паспорта.

Как Венсан и обещал, вскоре явилась его супруга, медсестра Бетти, и принесла поднос с буррито.

Помимо того человека, который отвез его к доктору, и четы Венсанов, Оуэнса никто не видел. Бетти редко заговаривала с ним и никогда не смотрела в глаза, когда приходила к нему в палату. Уолтер не мог понять, чем вызвано такое поведение: банальной робостью или тем, что Бетти узнала его по фотороботу ФБР. «Теперь это вопрос всего нескольких часов», – говорил он себе. – «Когда я уеду отсюда, узнать меня будет невозможно. Я сяду в самолет, и никто, никто не достанет меня».

* * *

Колорадо

Рысь ждала Атэра. Он должен был принести ей необходимое для задания оборудование. Она стояла у окна в кабинете Дэвида и смотрела на территорию комплекса. Осень вступила в свои права – и просторные открытые площадки между краснокирпичными корпусами были усеяны яркими осиновыми листьями.

Было обеденное время – на улице никого, не считая патрульных, будущих выпускников, обходивших территорию через неравные промежутки времени.

Движение привлекло внимание Рыси к жилому корпусу, где размещались курсанты помладше и где когда-то жила она, только-только поступившая из белфастского приюта. В углу площадки одиноко раскачивались качели. Рысь, точно под гипнозом, погрузилась в воспоминания, не в силах оторваться от мерного покачивания тонкой перекладины на цепочках. Тогда она была просто Кэссиди, еще не Рысь.

Она так любила скрипку, что после отбоя, когда отключали свет, она частенько сбегала из спальни в музыкальную аудиторию, которая находилась прямо за ее жилым корпусом. Акустика была великолепная, как и звукоизоляция, позволявшая Кэссиди часами играть, стоя посреди внушительной сцены, воображая, что зал полон ликующих слушателей.

Однажды, когда ей было одиннадцать, она встала ночью, чтобы продолжить тайно практиковаться, и увидела, как темные фигуры направлялись через всю территорию к корпусу, который называли «запретная зона». Кэссиди не разрешалось там появляться, но это место всегда вызывало ее интерес, ведь она видела, как ребята постарше и взрослые, которых она не знала, входили в здание в разное время суток. Она задавала вопросы учителям, но в ответ слышала, что это что-то вроде еще одного курса обучения, высшего, на который она непременно попадет. Такое объяснение совершенно не устраивало Кэссиди, и той ночью ее врожденное любопытство взяло верх. Короткими перебежками она пробралась к зданию по самым темным местам, памятуя о камерах и постовых, и пролезла внутрь через боковое окно. Она подозревала, что внутри тоже установлены камеры, и приняла все меры предосторожности, чтобы не быть замеченной.

Неслышно ступая по темному коридору, она заглядывала во все незапертые двери. В некоторых помещениях люди работали за компьютерами, в других, дальше вглубь корпуса, были как будто палаты лазарета, за ними – тренировочные залы. В одном из них, где пол был устлан гимнастическими ковриками из пенки, занимались курсанты постарше. В следующем был оборудован тир – и мальчишки, почти ее сверстники, оттачивали навыки стрельбы из разных типов оружия. Все мишени были человеческими силуэтами.

Она впитывала новые впечатления, подобно губке, но нигде не задерживалась подолгу, пока не дошла до одного из последних залов. Там женщина и двое мужчин метали ножи и фехтовали. Кэссиди смотрела на них целую вечность, прячась всякий раз, когда кто-нибудь проходил мимо. Потом все трое ушли.

Убедившись, что никто из них не собирался возвращаться, Кэссиди зашла внутрь.

Освещение было приглушено, пол был застелен ворсистым ковролином, мебель практически отсутствовала, если не считать столов по стенам, где на бархате и коже лежали ножи. Еще была пара стеллажей с держателями для мечей и три привинченные к полу фигуры в человеческий рост, выполненные из сосны.

Внимание Кэссиди не могла отвести глаз от мечей. Ее тянуло к стене, где они висели. Клинки были самым красивым из всего, что ей доводилось видеть в жизни. Конечно, не считая ее скрипки.

Встав на цыпочки, она осторожно сняла один меч с крюков. Подняла его, точно готовясь к атаке, и ощутила себя такой могущественной, как будто превратилась в самого короля Артура. Только когда руки заныли от напряжения, Кэссиди нехотя вернула оружие на место.

Она сделала пару шагов к столу, где лежали ножи. *Фантастическое разнообразие!*

Она взяла обоюдоострый метательный с кожаной рукоятью и покачала в руке, оценивая его вес. Снова возникло чувство могущества. Она оглянулась на мишени, которыми пользовались взрослые, и на отметки на полу, откуда они бросали.

А смогу ли я? Она нутром чувствовала, что сможет. *Конечно!* – пришел мгновенный ответ из подсознания. У Кэссиди не было сомнений, что она должна была сразу же поразить цель.

Пытаясь имитировать то, как вставали другие, она подняла нож и крепко зажала его в правой руке так, что лезвие оказалось у нее почти за головой.

«Десятку» при выключенном свете трудно было даже разглядеть. Лунный свет, проникавший в окно, был слишком слаб, а тени от веток бродили по мишени, не давая сосредоточиться. Закрыв глаза, Кэссиди представила себе вожака в центре круга и напрягла все свои чувства так же, как когда пыталась повторить на скрипке услышанную где-то мелодию. Зажмурилась и сделала бросок. Тынк! В полной тишине желанный звук, с которым клинок вонзается в дерево. Кэссиди не удивилась. Она была горда собой. Вытащила нож, а потом стала пробовать еще и еще, с разных углов и с разного расстояния.

И хотя чаще всего она не попадала, некоторые попытки были удачными, нож оказывался на границе с «десяткой» или втыкался намертво в самый центр. Она приготовилась бросить еще раз, когда кто-то шепнул в самое ухо:

– Ты, малышка, хорошо себя показываешь, но можешь значительно лучше, – проговорил женский голос.

Кэссиди замерла, сердце бешено колотилось. Она не слышала, чтобы кто-то входил, а оглянуться не решилась.

– Держи вот так, – продолжила незнакомка и положила ладонь поверх ручонки Кэссиди, осторожно помогла той перехватить оружие. Женщина коснулась ног и плеч Кэссиди, помогая принять правильную позицию и держать нужную осанку.

– Теперь попробуй еще раз, только не закрывай глаза.

Кэссиди сделала бросок, безо всяких усилий отправляя нож в «десятку». Она рассмеялась от счастья и повернулась к незнакомке. Женщина сделала шаг назад, различить ее лицо в полутьме было невозможно. Кэссиди видела только силуэт.

– Вы, правда, думаете, что у меня хорошо получается? – спросила она, улыбаясь своей неожиданной наставнице.

– У тебя, крошка, инстинкты убийцы, – ответила женщина.

– Покажите мне еще.

– Я не учитель.

– А кто же?

Незнакомка помедлила с ответом.

– Я та, кем когда-нибудь станешь и ты, – наконец, проговорила она.

– Но я хочу стать скрипачкой! – с гордостью сказала Кэссиди.

Еще одна долгая пауза, и женщина заговорила вновь. В голосе ее почему-то звучала грусть:

– Не важно, кем ты хочешь стать. Важно – кем ты станешь.

Прежде чем Кэссиди удалось решить эту шараду, незнакомка исчезла – так же внезапно и тихо, как появилась.

В коридоре, за дверью кабинета Атэра слышались шаги; Рысь, погрузившаяся было в воспоминания, пришла в себя, отвернулась от окна. Ее бывший учитель вошел и поставил у ног Кэссиди небольшую, но увесистую черную сумку.

Рысь когда-то немало времени проводила с начальником отдела боевой подготовки, для нее он был вроде дяди. И хотя Атэр обычно не позволял себе выделять любимчиков среди курсантов, он все же часто оказывался свободен и уделял ей время, когда Кэссиди нужны были индивидуальные, специальные занятия. Это было самым близким к выражению привязанности или эмоций вообще, в той форме, в какой они существовали в ОЭН.

– Думаю, тут все, что может понадобится тебе, Рысь, – Атэр склонился над своим столом, где лежала распечатка спутниковой карты пограничного района около Ногалеса.

– Машину, которую угнал Оуэнс, нашли здесь, в нескольких милях от КПП. Неплохое место для пересечения границы, там же сплошная пустыня. А значит, скорее всего, на той стороне его встречали. Наверное, кто-нибудь из тех, кто поставлял ему девушек из Азии. Отыскать этих мерзавцев – это, пожалуй, лучшее, что ты можешь сделать. Кроме, конечно, поимки самого Оуэнса.

Из бокового кармана своих защитных брюк Атэр достал еще одну распечатку и передал Рыси.

– Это список известных нам борделей и стрип-клубов, чтобы тебе было с чего начать. Оуэнс не станет показываться на людях, раз повсюду висит его лицо. Он на какое-то время уйдет в тень, возможно, побудет у кого-то из этих людей, пока не уляжется шумиха. А еще он может попробовать изменить внешность. Еще одна интересная зацепка для тебя, проверь.

– У меня Рено уже работает над списком пластических хирургов в радиусе трехсот километров, – проговорила Рысь.

Он одобрительно кивнул.

– На базе ВВС Петерсон тебя ждет вертолет до Ногалеса, а там будет ждать машина. Пограничников снова поставили на уши, когда федералы поняли, что у них оказался не тот. Так что Бюро выделяет тебе сопровождающего из своих людей, чтобы ты спокойно перешла границу со всем своим арсеналом.

Атэр взглянул на часы.

– Уже должен быть готов твой паспорт. Посиди минутку, я сейчас приду.

Рысь выучила наизусть досье Уолтера Оуэнса и в деталях запомнила все, что на обсуждении сказал Монти. Для нее наступил важный момент. Она была готова.

Она знала, что могла быть более уверена в себе, чем когда бы то ни было, что найти этого маньяка было непросто, но время играло ей на руку. Терпения Рыси было не занимать. И, к счастью, у этого задания не было «краного срока». Если для того, чтобы найти Оуэнса, ей пришлось бы перевернуть каждый камешек в пустыне, она была готова. Что угодно, лишь бы его выследить.

Девиз ОЭН звучал так: «Провал – не вариант». Рысь чувствовала, что начинала нервничать, но ее волнение было вызвано, скорее, счастливым ожиданием.

Перед отъездом у Кэссиди выдалось несколько свободных минут – она могла побыть наедине с собой и собраться с мыслями. Она воспользовалась возможностью сделать то, что всегда делала перед большими концертами: закрыла глаза и попыталась выбросить из головы абсолютно всё, чтобы ни одна эмоция не помешала совершенному исполнению.

Глава шестая

Ногалес, Мексика

Последний раз Рысь была в Ногалесе три года назад. За это время город заметно вырос и теперь являл собой нечто вроде мегаполиса захолустья с населением более трехсот тысяч жителей. Повсюду виднелись сувенирные лавочки с традиционной керамикой, сомбреро, чеканными блюдами, бумажными цветами и другими дешевыми сувенирами. Рыси показалось, что число лавочек увеличилось едва ли не вдвое.

Построили несколько фабрик, а уж ресторанчиков, баров и стрип-клубов открылось бесчисленное множество. Три года назад их можно было по пальцам пересчитать.

Рысь удивилась, когда увидела, что народу на границе немного – очередь из машин и пешеходов, выстроившаяся до КПП, была совсем не длинной. Американцы, скорее всего, последовали совету управления по туризму воздержаться от поездок в Ногалес в связи с возросшим числом случаев насилия, в том числе и среди бела дня. Связанные с наркобизнесом разбои, похищения и убийства были отнюдь не редкостью. И недавняя вспышка свиного гриппа, по-видимому, тоже произвела эффект – туристы не стремились в Ногалес.

Рысь изучала вечерний город, пока не стемнело – знакомилась с окраинами и пополняла список, который дал ей Атэр, новыми сомнительными барами, стрип-клубами и массажными салонами. Названия попадались, в основном, вроде «Эрос», «Похоть» и т. п. Когда Рысь вышла на улицу, проститутки уже заступили на посты, почти все местные и через одну малолетки. Когда на Ногалес спустилась тьма, несколько десятков девиц уже дежурило на углах, зазывая клиентов.

Рысь и прежде видела бедность и проституцию, она знала, как часто одно влекло за собой другое. Ей и прежде попадались на глаза «папики». Сутенеры, одинаковые во всех странах, суеились возле своих девиц, торгуясь о цене их тел. Вот только тела эти обычно не были детскими. Но здесь... косметика и вульгарное шмотье не могли скрыть прискорбный факт: юность этих подростков была украдена, их невинность была втоптана в грязь.

И Рысь знала, что стремительно обостряющаяся во всем мире проблема детской проституции вовсе не была связана с низким социальным положением. Только в США, по разным оценкам, от трехсот до восьмисот тысяч детей и подростков вовлечено в проституцию. В основном девочки от девяти до семнадцати, и вовсе не из числа оторв, сбегавших из дома. Множество интернет ресурсов, специальных чатов и групп в социальных сетях позволяют нечистым на руку людям, заманивать подростков и делать на них свой грязный бизнес. И вычислить их практически невозможно.

У Рыси рефлексивно сжались кулаки, когда она увидела, как «папик» толкал тощую девчонку в объятия только что расплатившегося клиента. Больше всего на свете Рысь хотела подойти к этим мерзавцам и стиснуть их за яйца. Показать им хоть небольшую часть той боли, которую испытывали их жертвы, просыпаясь каждое утро с мыслью о том, что их ждет еще один жуткий день, продолжение их физического и морального разложения. Если бы Рысь не была на задании, она поддалась бы порыву, задала мерзавцам трепку, именно так, но сейчас заниматься восстановлением справедливости было не время и не место. Пришлось отсечь эмоции, которые могли навредить ходу операции.

Рысь на мгновение прикрыла веки – ярость и тоска уступили место решительности и ледяному спокойствию. Как часто окружающие принимали это напускное спокойствие за безразличие. Сейчас это играло ей на руку.

Рысь пока не увидела среди уличных проституток ни одной азиатки, поэтому притормозила в квартале, славившемся самым большим числом стрип-клубов и располагавшемся в считанных метрах от границы.

Ее длинные светлые волосы и типичный для американской туристки наряд – кроссовки, джинсы, простая майка, модный кожаный рюкзак и косуха – мгновенно привлекли внимание одного из продажных мальчиков. Парень подскочил к Рыси, едва она вышла из машины. Как и большинство ему подобных, он вряд ли был старше пятнадцати и крайне плохо одет – какие-то обноски на пару размеров больше, да еще и отчаянно нуждавшиеся в стирке. В голосе мальчишки слышалась безнадежность:

– Эй, симпатичная дамочка, чего Вы хотите сегодня? – затянул он, увиваясь за ней. Рысь не оглядывалась. – Я могу Вас развлечь. Мальчики, таблеточки – все, что пожелаете.

Еще двое материализовались рядом, пытаясь привлечь ее внимание. Один из них был постарше и более напористый.

– У меня все самое лучшее. Вы получите все, что пожелаете.

Это были просто несчастные оборванцы, не более. Получить от них полезную информацию было невозможно.

Рысь молча прошла мимо них – она направлялась в первый клуб «Наваждение», темное место, где звучал тяжелый рок, а тесный зал поливали прерывистым светом слепящие стробоскопы. Мексиканские девицы разной степени обнаженности извивались на длинной сцене или исполняли приватные танцы в темных закутках по периметру зала. На специальной подсвеченной площадке стояли высокие стулья, на которых сидели девицы с прилепленными к телу номерами в ожидании, когда их закажут и отведут в задние комнаты. Рысь взяла «колу» и села к стойке, к ней сразу подскочили услужливые сутенеры, которых она предпочла отшить. Минут через десять она уже поняла, что к чему. Ей пора было двигаться дальше.

Это повторилось еще в четырех стрип-клубах; от однообразия происходившего у Рыси раскалывалась голова. Пока она видела совсем немного иностранных проституток, и они, казалось, были сравнительно довольны судьбой.

Шестое заведение оказалось более интересным. Здесь порядки были попроще. Обычно сутенеры совершали сделку до того, как клиенту показывали товар, а здесь было больше туристов и девицам разрешали торговаться с клиентами самостоятельно.

Было около часа ночи, и большинство посетителей в зале уже были в сильном подпитии. Рысь заметила, что американцы могли позволить себе уединиться в приватной комнате практически с любой девочкой, тогда как, местным это частенько оказывалось не по карману. Если кому-то из стриптизерш удавалось самой снять клиента, сутенеры не вмешивались, но от их неусыпного контроля деться было некуда. Казалось, каждая девица знала, где ее «папик» и как нужно себя вести, чтобы он был доволен. Если клиент слишком долго думал, девочки должны были быстро переключаться на следующего. А если клиент начинал создавать проблемы, «папик» угрожал ему или просто вышвыривал из заведения.

Рысь сидела у стойки, изучая иерархию и порядки в заведении, когда к ней подошел один из сутенеров. Он наклонился так близко, что Рысь отчетливо ощутила застарелый запах пота.

– Красавица, чего тебе хочется?

– Выпивки, – ответила она и сделала такой жест, как будто поднимала тост.

– А ты здесь с друзьями или сама по себе, совсем одна? – улыбнулся он и добавил: – ему нравится, когда ты смотришь или участвуешь? Или и то, и другое?

– Со мной никого нет, и девочками я не интересуюсь. По крайней мере, не вашими, – Рысь изобразила свою лучшую, самую сексапильную улыбку.

– Если эти тебе не по вкусу, у меня есть очень хорошие деточки, – он указал на девиц, кривлявшихся на сцене. – Только скажи Хосе, что именно тебе нравится, а уж он доста-а-анет тебе что угодно.

И тут Рысь увидела то, что искала. Молоденькая азиаточка, лет шестнадцати максимум присела к стойке в дальнем конце бара. Она пыталась делать вид, что ее интересуют клиенты, но Рысь поняла, что ей это давалось с трудом. Яркий луч стробоскопа выхватил из полумрака печальное лицо девочки – и Кэссиди увидела на щеке китайки зеленоватый кровоподтек.

– Спасибо, Хосе, но я, кажется, нашла то, за чем явилась, – она кивнула на несчастную азиатку.

– Вот она? Это девица Педро, – с удивлением и разочарованием отозвался сутенер. – Я тебе найду лучше. У него всегда какие-то не наши и побитые.

– Педро руки распускает, я так понимаю? – спокойно уточнила она, точно ее совершенно не задело услышанное.

– Si. И он не против, если даже клиент попортит товар. Когда хорошо платят, он разрешает делать все, что угодно, – Хосе нахмурился и покачал головой. Он явно не одобрял методы работы своего конкурента. – Только хуже для его же дела, ведь они уже не могут найти себе клиента, но ему по барабану. Хм, но мои-то девочки всегда отлично выглядят и все на 100 % мексиканки.

Рысь взяла со стойки свой бокал и встала.

– Было приятно поболтать, Хосе. Извини, я пойду.

– Делайте, как знаете, дамочка, – он пожал плечами и отступил на шаг. – Если передумаете, я всегда здесь.

Рысь прошла до конца стойки и остановилась возле девицы. Та вздрогнула, когда Рысь поставила на стойку свой бокал.

– Э, все в порядке, я тебя не трону.

– Я никогда раньше не... не была с женщиной, – проговорила девица.

– Я тут не ради секса, – улыбнулась Рысь. – Меня зовут Лорен, а тебя?

– Мария, – ответила девица, глядя на Рысь с большим подозрением.

– Я посижу тут, выпью. Было бы очень мило, если бы ты составила мне компанию, Мария. – Рысь нарочно сделала особый акцент на имени, которое, разумеется, было не настоящим.

Азиатка нервно оглянулась на своего «папика».

– Но мне надо поскорее возвращаться к работе.

– А я тебе заплачу за то, что ты просто посидишь и выпьешь со мной. Расслабимся, поболтаем. Больше ничего.

Рысь положила двести долларов на стойку перед девочкой.

Та на деньги не отреагировала.

– Боссу не нравится, когда я болтаю.

– А тебе и не нужно ничего говорить. А если что-то и скажешь, то зачем ему знать? Мы пойдем в приватную комнату, он будет думать, что ты делаешь то, за что тебе платят.

– Почему? – подозрительно спросила девица.

– Я раньше занималась тем же самым. Я знаю, что это такое, когда эти козлы поднимают на тебя руку, – солгала Рысь.

Девочка уставилась на нее, выкатив глаза от удивления.

– По тебе не скажешь.

– Внешность обманчива, – делая грустное выражение, отозвалась Рысь. – Но, блин, благодаря этому я попала в колледж.

«Мария» начала понемногу расслабляться, Рысь не без радости отметила это про себя.

– Ладно, дамочка, я пойду с тобой.

Она взяла деньги и помахала ими «папику». Рысь видела, как тот кивнул. Она с трудом удерживала себя от того, чтобы ответить ему хищной ухмылкой. Конечно, он думал, что сделка состоялась в полной мере.

Рысь заказала бутылку текилы и прошла за девицей в одну из частных комнат за сценой. Темная каморка, из всей мебели – только кушетка, источавшая запах секса и немых тел. Первые несколько минут они сидели рядом на постели, Рысь рассказывала о своем, так сказать, сомнительном прошлом в этом бизнесе и о том, как ей удалось с этим порвать. Она все время подливала текилу в стаканы, и скоро язык у девочки все же развязался.

«Мария» начала неумело ругаться, проклиная своего босса и клиентов, рассказывая попутно о том, сколько боли пережила. Она говорила о том, как дома ее ждали родители, надеялись, что она будет высылать им деньги. Рысь терпеливо слушала, ожидая удобного момента, чтобы задать свои вопросы.

Когда девица выложила как на духу всю историю своей жизни и готова была пристыжено замолчать, Рысь спросила:

– А как ты попала из Дацитанга сюда? Не ближний свет.

– На корабле. Они мне сказали, что повезут в Америку, что я стану там офисанткой, буду помогать мою семью, – она замолчала и взглянула на свой пустой стакан. Рысь налила еще.

– Они сказали, что повезут в Америку, – повторила она. В голосе девочки звучала невыносимая горечь. – Но они передумали. Теперь говорят, съто я поеду туда серез месяц или, может, серез год. Они все врут. Они говорят, я должна снасяла зарабатывать достатосьно денег, но, когда я спрашиваю, сколько есе, всегда оказывається недостатосьно.

Рысь искренне жалела девочку. Заданий, связанных с торговлей людьми и сексуальным рабством, Рыси еще не попадалось, и она впервые осознала, насколько это зло растлевало не только тело, но и разум, и душу. Это было отвратительно, хотя Рысь понимала, что для личных эмоций было не время и не место, – неправильно было позволять переживаниям затуманить рассудок. Рыси предстояло немало работы, и это была ее первая «сольная» операция. Так много нужно было доказать. Рысь была к этому готова.

– А мне теперь все равно, какая там Америка... – голос девицы «поплыл». – Я хочу домой, в Китай, к моим родным и друзьям. Девсёнки тут все ненавидивают меня. Говорят, съто моя цветная задниса всех клиентов у них украла, – глаза китаянки наполнились слезами.

– Может, я тебе помогу, Мария.

Рысь погладила ее по руке.

– Меня Хао зовут, – призналась проститутка, застенчиво улыбаясь в ответ. – А как зеты мне помозесь?

– Я поговорю с теми, кто тебя сюда притащил, попробую убедить их отвезти тебя обратно. Ты помнишь, куда тебя привезли сначала?

– Они мне глаза завязывали.

– А можешь сказать, что они делали потом, Хао?

– Они меня и еще двух девчонок посажали в масину. Я все еще ничего не видела. А масине были два мужика есе.

– Они тебя в Ногалес привезли?

– Нет. Они нас три дня держали в доме.

– А ты помнишь, где?

Девочка нахмурилась, покусывая губу, явно огорченная, что не могла дать больше полезных деталей. У нее вдруг начала дергаться нога, коленка подпрыгивала от нервного тика. Девочка все силилась что-то вспомнить. Рысь протянула руку, положила теплую ладонь за колено девочки. Подрагивание прекратилось.

– Ладно, ничего страшного, если не помнишь. А сколько примерно вас везли в машине?

– Первый раз недолго. Может, двадцать минут. А когда они взяли меня из тот дом и привозили в здесь, гораздо долсье. Пять или сесть сясов, думаю.

– Я еще кое о чем спрошу, хорошо?

– Хоросо.

– Когда вы были в том доме целых три дня, у тебя тоже все время были завязаны глаза? Хао помотала головой.

– Они развязывали мне глаза, когда мы были в дом.

– А ты не помнишь их лица или имена? – спросила Рысь.

У девочки загорелись глаза.

– Один был маленький мексиканес. Имя не знаю. Другой мужик большой, волосы у него, как огонь. Я такие волосы никогда не видела. У него смесное имя. Не мексиканес, не американес.

– Ты умная. Не зря тебя так называли.

Хао улыбнулась, поняв, что Рысь знала, что значило ее имя.

Момент счастья длился совсем недолго.

– Босс узнавает, съто я тебе сказала это, он меня тогда убивает.

– Он не узнает.

Рысь поднялась и потянула девочку за собой. Сначала девочка испуганно отступила на шаг, а потом подчинилась, – и Рысь поняла, какое перед ней было хрупкое и ранимое дитя. Рысь была ростом метр семьдесят, и сантиметров на двадцать выше девочки. Когда она положила руку на затылок азиатки, та отшатнулась.

– Я тебе ничего не сделаю, – пообещала Рысь. Девочка успокоилась. Тогда Рысь запустила пальцы в длинные черные волосы китаянки, приводя прическу в полный беспорядок, потом убедилась в том, что короткая юбочка и черный топик тоже выглядели достаточно мятыми.

– Мы же хотим, чтобы он думал, что я получила то, за что заплатила, так? – Рысь подмигнула, и растрепала себе волосы, сбила футболку.

– Ты вернись за мной?

– Я постараюсь, – Рысь повернулась к двери и потянулась, чтобы отпереть, когда девочка окликнула ее:

– Лорен!

Она обернулась.

– Будь осторожна, – предупредила Хао, в глазах ее был страх, – эти люди... у них пистолеты. Они опасность.

Рысь открыла дверь.

– Я тоже, – прошептала она, пропуская Хао вперед. Они направились к бару.

* * *

Джек полетела в Таксон на деньги, полученные от Юрия Драшева в качестве аванса. Она взяла себе билет в бизнес-класс. Не удивительно, что симпатичная стюардесса, тоненькая блондинка, понимающе улыбнулась и удивленно покачала головой, когда Джек заказала «пина колада» с тремя вишенками. Джек ведь выглядела так, словно только что из седла мощного мотоцикла – на ней был черный кожаный комплект – косуха и клепаные брюки, черная же футболка и громадные сапоги на толстой подошве. Джек вся состояла из противоречий, и никому не удавалось с первого взгляда составить о ней верное впечатление.

Пару дней назад Джек остригла свои длинные черные волосы и теперь носила короткий, но достаточно женственный «сэссон», ее стригли лезвием – модная тенденция художественного беспорядка на голове – общую строгую линию тут и там нарушали выбивавшиеся пряди. В этом было что-то небрежное и сексуальное одновременно.

Без пистолета Джек чувствовала себя голой, но при ее работе от стволов постоянно приходилось избавляться, так что Джек решила обзавестись новым по прибытии в Мексику. А пока она попивала коктейль и обдумывала план.

Перед вылетом из Нью-Йорка она позвонила одному из самых высокопоставленных знакомых в Бюро, специальному агенту Скотту Фэлпсу. Он возглавлял один из отделов штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне. За ним числился должок, а еще у него был высший уровень доступа, поэтому Фэлпс с радостью предоставил ей все, что было у Бюро по Уолтеру Оуэнсу. Она знала, что последними жертвами «охотника за головами» были сплошь нелегальные иммигрантки из стран Юго-Восточной Азии, скорее всего, заказанные через интернет при помощи так называемых сайтов «подбора невест». И, скорее всего, их протащили в страну через мексиканскую границу.

Хм, если бы мне пришлось пересекать границу с Мексикой пешком, мне понадобился бы кто-нибудь на другой стороне, кто бы меня подобрал. Интересно, кто бы не отказал мне в этом, если исходить из того, что у таких людей, как я, нет друзей? Впрочем, у таких людей, как этот психопат, друзей еще меньше.

В такой ситуации оказать Оуэнсу услугу, очевидно, могли только люди, каким-то образом с ним связанные, например, переправлявшие в Америку его «невест».

Джек взяла в аренду машину, пересекла границу и направилась в сторону туристического центра Ногалес. Она вышла в город как раз к заходу солнца. Джек шла по темной улице, не обращая внимания на пристававших наркоторговцев и продажных парней. Достав мобильный, она набрала номер русского мафиози.

– Юрий, мне нужны кое-какие номера и имена в Мексике. Ну тех людей, которые поставляют тебе девочек.

– Джек, тебе бы лучше быть осторожнее, когда ты звонишь с такими вопросами, – Драшев был раздражен. – Сначала убедись, что я говорю по защищенной линии.

– Да я знаю, что ты на защищенной линии, – она хотела прибавить «идиот», но удержалась. – У тебя же есть определитель, а номер я тебе свой дала.

Джек купила новый номер, специально для этой работы, как она делала всегда.

– И все же...

– Но ты ведь не позволил бы кому-то другому поднять трубку на мой звонок, правда?

В ответ тишина.

– А почему ты думаешь, что у меня есть такие контакты? – спросил Драшев, меняя тему. – И зачем они тебе?

– Ответ на первый вопрос ты знаешь, – сказала она, давая понять, что была в курсе того, чем он занимался. – А нужны они мне потому, что, похоже, ты не избегаешь и контрабанды товаров с маркировкой «Ж». Кто ж знал, что у тебя с серийным убийцей столько общего? Все, хватит время тянуть.

Получив то, что ей было нужно, она закрыла телефон и пошла дальше.

– Составить тебе компанию? – спросила ее какая-то шлюшка и высунула трепещущий язык, поясняя, что у нее на уме.

– Не сегодня, – отозвалась Джек. – Где твой *abadesa*, красотка?

Девица указала на машину, припаркованную на другой стороне улицы. Побитый седан, весь кузов которого был поеден ржавчиной. Когда Джек приблизилась, из машины вышел «папик».

– *Que pasa, gringa?* – устало спросил он.

– Вот шестьсот баксов, – бросила она, вложив хрустящие купюры ему в руку. – Мне нужен ствол.

Глава седьмая

Гуаймас, Мексика

В жаркий полдень Джек сидела под навесом в уютной таверне и наслаждалась прохладой. В просветах между домами на другой стороне улицы виднелось море и порт с бесчисленными рыболовецкими суденышками. Солнечные лучи рассыпали по воде алмазные блики, отражаясь от хромированных деталей прогулочных катеров и яхт.

Джек поставила опустевшую кофейную чашечку на газету – на столе лежала открытая «USA Today». Абсолютно типично для туристки.

Драшев дал Джек имя и номер своего «партнера по бизнесу», который мог ей помочь. Когда, позвонив, она упомянула в разговоре пахана, голос на другом конце провода назвал ей координаты таверны и сказал, что к ней подойдет.

Человек, которого послали с ней встретиться, приехал вскоре после самой Джек, но далеко не сразу вошел в заведение. Вместо этого мексиканец вышел из машины и закурил, опираясь на капот. Джек мгновенно его вычислила. Он выглядел как любой другой местный во время обеденного перерыва, но слишком уж часто бросал в сторону Джек изучающие взгляды. Она заставила себя проявить терпение и дожждаться, когда он сделает первый шаг.

В кафе напротив было полно народу: благодаря удобному расположению прямо на берегу, туда постоянно заходили работники порта и отдыхающие с остановившихся в Гуаймас круизных лайнеров. Джек как раз собиралась с деловым видом перелистнуть страницу, продолжая изображать чтение газеты, когда увидела, как в кафе зашла симпатичная блондинка. Она искала свободный столик на улице. Девушка была от Джек в каких-нибудь двадцати метрах. Джек прищурилась, чтобы рассмотреть ее получше.

– Тоже мне шутки... – пробормотала она, не веря своим глазам.

Официант с подносом загородил Джек обзор:

– Мисс, я могу принести Вам еще кофе?

– «Пина колада», три вишенки, – нетерпеливо бросила Джек, выгибая шею и свешиваясь со стула, чтобы не потерять девушку из виду.

– Мы такое не подаем, мисс, может быть, Вы...

– Может быть, Вы уже отойдете, а? – оборвала его Джек. – Просто местного пива, пожалуйста.

Воспоминания нахлынули так стремительно, что у Джек закружилась голова. Так близко она не видела Кэссиди Монро уже несколько лет, но у нее не было сомнений, что это та самая девушка, о которой она впервые заговорила с Монтгомери Пирсом лет десять тому назад.

Последний раз Джек довелось столкнуться с ЭТС два года назад, и это была Лука Мэдисон ака Домино. Та встреча едва не стоила Джек жизни. Тогда она работала на сенатора Терренса Барроуза, сомнительного кандидата в президенты, обладавшего, ко всему прочему, огромной властью. Сенатор пытался раздавить ОЭН. Для Джек то задание оказалось невыполнимым провалом. Вмешалась Домино – и чуть было не вынудила Джек убить собственного клиента. К счастью, репутация ее не пострадала: Барроуз оставил в тайне факт ее участия в операции.

Последний раз Джек удалось так близко подойти к Кэссиди в штаб-квартире ОЭН в Колорадо. Они никогда не были представлены друг другу – ни формально, ни как бы то ни было еще – да и пересекались крайне редко: Джек окончила учебу раньше, чем Кэссиди перевели в здание старших курсов. Но Джек приглядывалась к девочке с того самого дня, когда увидела ее впервые, Кэссиди тогда было всего одиннадцать.

Ее потенциал был замечен уже тогда; Джек сразу дала Монти знать о своих соображениях насчет врожденного инстинкта убийцы у крошки Кэссиди.

С тех самых пор Джек наблюдала, как росла Кэссиди, как она превратилась в красивую женщину и способную оперативницу. Всякий раз попадая в штаб-квартиру ОЭН – приехав на обсуждение или за новым заданием, Джек заходила взглянуть на своего белокурого ангела. Случалось, она пересекала всю страну, а иной раз и летела через Атлантику, чтобы послушать, как Кэссиди играет на скрипке. Уже в восемнадцать талант и мастерство Кэссиди признавали лучшие музыканты. Последний раз Джек видела ее около года назад, и то с большого расстояния. Со своего места на балконе она могла только по инструменту и цвету волос выделить Кэссиди среди других музыкантов в оркестре.

А вблизи... Джек ее не видела уже лет восемь. Она ждала распоряжений по тому роковому заданию, которое было для нее последним как для оперативника ОЭН, стояла у окна кабинета Монти Пирса и смотрела, как на площадке у гимнастического зала тренировали группу старших курсантов. Она рассмеялась, увидев, как Кэссиди шлепнула по заднице своего инструктора Дэвида Атэра – и, между прочим, ей это сошло с рук.

И теперь вот она – на той стороне улицы. Еще более обворожительная, чем помнила ее Джек, и уж наверное намного более опасная.

Что привело тебя сюда, Кэссиди? Джек подвинула свой стул так, чтобы за колонной ее не было видно из кафе напротив, но при этом ничто не преграждало обзор тому, с кем она должна была встретиться. *С какой целью ты здесь? Задание? Развлечения?*

Джек интересовалась Кэссиди не столько потому, что ее обязывала работа или нужно было знать, каковы планы ОЭН, сколько по личным причинам. Что-то в Кэссиди всегда интриговало, привлекало ее, и это притяжение стало лишь сильнее, когда Джек увидела, в какую роскошную женщину превратилась Кэссиди. *Ей сейчас, должно быть, около двадцати пяти...* Некогда талантливый белокурый подросток, Монро расцвела, теперь это была сногшибательная красотка с высокой округлой грудью и чувственными губами, созданными для поцелуев. Она была на пике физической формы – рельефные бицепсы, идеально плоский живот и подтянутые ножки, стройные и, что называется, «от ушей».

Джек искренне наслаждалась этим зрелищем и даже немного расстроилась, когда человек, который ее изучал, выбросил окурочек и, наконец, направился к ее столику. Мексиканец средних лет, с лицом, изрытым темными кратерами шрамов от угрей.

– Почему Вы ищете Энрике?

– Я уже говорила, что меня нанял его русский друг, чтобы я кое-кого отыскала. Все остальное Вашего босса не касается.

Мужчина окинул ее презрительным взглядом.

– Нет, *gringa*, лучше говори начистоту. Он в игры не играет и не дает пощады лгунам.

– Мой человек.

Он поднялся, собираясь уходить.

– На этом месте завтра в шесть. Я отведу тебя к нему.

Во время этого краткого разговора Джек наблюдала за Кэссиди боковым зрением. К своему огорчению, Джек заметила, что не она одна отдавала должное красоте девушки. Больше половины мужчин и значительная часть женщин тоже не могли оторвать взгляда от Кэссиди, а парни, проходившие мимо кафе, сворачивали шеи и замедляли шаг.

Увидев, как Кэссиди завязала разговор с кем-то из местных, улыбаясь ему приветливой и многообещающей улыбкой, Джек почувствовала, как у нее затрепетало внизу живота. И тогда она поняла, как давно и как капитально запала она на эту девочку.

Джек столько лет *ничего ни к кому* не испытывала, и так к этому привыкла, что теперь не знала, что делать с эмоциями, вызванными появлением Кэссиди. Джек привыкла не доверять инстинктам. По крайней мере, когда это касалось женщин. Много лет назад она думала, что

нашла любовь, и это заблуждение едва ее не погубило. Джек искренне жалела об этом, стоило лишь вспомнить, каким болезненным был процесс заживления ран – как физических, так и душевных. До встречи с Ванией в том клубе в Иерусалиме, женщины в ее постели менялись каждую неделю. Но потом потребность в этом отпала на целых восемь лет. Как и надежда на возвращение к нормальной жизни. Как и надежда однажды обрести счастье.

* * *

Рысь устало потерла глаза и подавила зевок. Она ждала кофе. Она позволила себе всего пару часов сна после того, как вышла из клуба в Ногалесе. Рысь не могла медлить, поэтому поскорее села за руль, чтобы к утру покрыть расстояние до Гуаймас. Дорога была просто ужасная и отняла добрых пять часов. Это совпадало с временем в пути, о котором накануне говорила Хао. Поблизости не было других мощных портов, куда могли заходить огромные грузовые корабли. А именно на таких прибывали нелегальные иммигранты из Китая, Тайланда, Камбоджи – словом, с другой стороны Тихого океана, впрочем, равно как и из любого другого места.

Рысь не могла избавиться от чувства, что за ней наблюдают, хотя она сделала все возможное, чтобы выглядеть как обычная американская туристка, только что сошедшая с трапа круизного лайнера. На ней были шорты цвета хаки, темно-синий простенький топ и кроссовки. Свои длинные волосы она забрала в высокий хвост, чтобы не было жарко. Она достала дешевенькую книжонку из сувенирной холщовой сумки, купленной в паре шагов от кафе, и стала делать вид, что увлечена чтением. Большие солнечные очки прекрасно скрывали тот факт, что на самом деле ее внимание было приковано к местным мужчинам, входившим и выходившим из таверны напротив, а также обедавшим в кафе.

Она видела нескольких рыжеволосых, но пока ни один не подходил под описание, которое дала ей девица из Ногалеса. Все рыжие, попавшиеся на глаза, скорее всего, были американскими туристами – соответствующий вид и, конечно, камеры на шеях.

Первым пунктом назначения в то утро был сам порт, но там, к удивлению Рыси, вокруг грузовых судов практически ничего не происходило. Ей удалось поговорить с одним рыбаком, выгружавшим свой улов. Рысь узнала, что в такое время большинство работников порта уходит на обед. А лучшим местом, по словам рыбака, было кафе «Касада» всего в паре кварталов оттуда.

Рысь решила сесть в кафе напротив, откуда хорошо просматривалась вся улица. Как и всегда, она привлекала восхищенные взгляды представителей обоих полов. Блондинки для местных были диковиной, поэтому Кэссиди, сама того не желая, привлекала еще больше внимания, чем обычно. Она умела игнорировать нежелательное внимание к своей персоне.

Конечно, сама она ценила женскую красоту, причем высоко, когда дело касалось сексуальных потребностей. Но ее взгляд никогда не останавливался подолгу на проходящих мимо женщинах. В то время как к ней самой жадные взгляды прилипали постоянно.

Минут через двадцать в кафе зашел дюжий мексиканец – косая сажень в плечах – с огромными бицепсами. Он хрипящим басом окликнул девушку за кассой, точно старую знакомую, и сделал заказ на испанском. Свое блюдо с буррито и пиво он отнес за соседний столик, Рысь в этот момент кокетливо сняла очки и широко улыбнулась, подняв взгляд на верзилу.

– Американка? – улыбнулся он в ответ.

– Ага. Тут у вас красиво.

– *Si*. Первый раз в Гуаймас?

– Именно. Вчера приехала. Бросила сумку в отеле и прогулялась по паре барчиков... до утра.

– Хорошо время провела?

– Это точно. И даже этого клевого чувака встретила. Собственно, я тут из-за него. Он сказал, что часто тут бывает и что мы обязательно пересечемся, если я зайду. Но я его еще не видела.

Улыбка мужика увяла, когда он понял, что роскошная блондинка интересуется кем-то другим. Но держался он приветливо.

– Он часто тут появляется?

– Да, он так сказал. Это же «Касада», так? – Рысь взглянула на вывеску у входа.

Мужик кивнул и прихлебнул пива.

– Как зовут твоего друга? Может, я его знаю.

Она опустила голову и сдавленно хихикнула, потом глянула на верзилу с застенчивой улыбкой.

– Хреново, конечно... Но за громкой музыкой, я не расслышала. А к концу вечера было уже как-то стыдно переспрашивать. Как бы то ни было, у него такое смешное имя...

Мексиканец заржал. Скорее всего, над ее детской непосредственностью и прямоотой.

– Ну, он такой большой и рыжий, – сказала она. – Все, больше ничего не помню. Ни о чем не говорит?

Улыбка мгновенно исчезла с лица мексиканца, он опустил взгляд в свою тарелку. Рысь потупилась.

– Нет, прости. Я его не знаю, – он доел свой буррито, не сказав больше ни слова.

Когда Рысь встала, чтобы пройтись еще раз вдоль доков, мужик, наконец, посмотрел ей в глаза:

– Думаю, тебе лучше забыть об этом парне. Ты, вроде, девочка хорошая. Оторвись тут по полной и езжай-ка домой.

Она потянулась за сумкой.

– Спасибо, мистер. Досвиданья.

Если раньше Рысь была не вполне уверена, то теперь сомнений не оставалось. Конечно, этот мужик знал того, кого она искала.

* * *

Когда ее белокурый ангел выпорхнул из кафе, Джек снова ощутила томительное любопытство, отозвавшееся приятной тягой внизу живота. Она смотрела, как светлый хвост раскачивался из стороны в сторону в такт движению крутых бедер.

Джек поднялась и последовала за Кэссиди, держась на безопасном расстоянии.

Глава восьмая

Мокорито, Мексика

Уолтер Оуэнс улыбался. Он разглядывал свой новый паспорт. Лицо на фотографии в подложном документе ни капельки не походило на то, которое Уолтер раньше видел в зеркале, если не брать в расчет расположение шрама и его величину. Единственное, что напоминало о перенесенной недавно пластической операции – небольшая гематома под носом, но ее легко было принять просто за неудачно легшую тень. На Оуэнсе были контактные линзы синего цвета и очки, волосы он выкрасил в темно-каштановый. Полная неузнаваемость.

Конечно, Уолтеру повезло, что он попал к Венсану, прекрасному хирургу с уникальным опытом полного преображения и, кроме того, ценными связями. Друзья доктора сделали Оуэнсу новый паспорт – неоценимая помощь в его ситуации.

Он все еще не мог привыкнуть к тому, каким стал. Он с ностальгией вспоминал свои привычные серые рубашки и черные брюки, но теперь приходилось отказаться от всего, что могло связывать его с прошлой жизнью. Уолтер засунул паспорт в задний карман новых коричневых брюк модного кроя. Он стоял у окна своей реабилитационной палаты и ждал, когда в доме Венсанов, через дорогу, погаснут огни. Оуэнс заставил себя подождать еще час, чтобы убедиться, что доктор и его жена заснули, и только потом вышел из палаты и зашагал по коридору клиники.

Уолтер не волновался за то, что контрабандисты, которые помогли ему бежать в Мексику, могли выдать его властям, ведь это поставило бы под угрозу их собственный бизнес. Но Уолтер не хотел оставлять в Мокорито свидетелей, тем более тех, кто знал о его смене внешности.

К счастью, кроме Венсанов ему не о ком было беспокоиться. О таланте доктора знало очень ограниченное число людей, а прибегнуть к его услугам можно было только по предварительной записи, так что в период восстановления Уолтер был единственным пациентом. Венсаны предприняли массу предосторожностей, чтобы защитить Оуэнса. Доктор ездил за новой одеждой для него и краской для волос в Кульякан, за сто километров от Мокорито. Венсан даже сам сделал снимок для паспорта. Но Уолтер не мог позволить доброте доктора поставить под угрозу свой образ жизни и свободу. Оуэнс сумел изменить внешность и манеры, но его стремление творить и намерение стать тем, кем сделать его могли только маски, никуда не делись. Эти стороны его личности не имели отношения к произошедшим переменам. Между тем, именно это двигало Уолтером все прошедшие годы. Его лица нужны были ему как воздух. Без них все теряло смысл.

Он направился прямо в операционную, зная, что найдет там все, что ему нужно. Потом он бесшумно покинул здание через боковой вход. Как он и ожидал, парадная дверь дома Венсанов была заперта, поэтому Уолтер обошел дом. Окно по той же стене, что и задняя дверь, было приоткрыто, и в свете полной луны он видел, как колыхались от легкого ночного ветра полупрозрачные занавески.

Скрываясь за стеной, он заглянул внутрь. Доктор и его супруга – едва различимые силуэты под покрывалом – лежали в постели, до них было не более пяти метров. Уолтер слышал, как кто-то из них храпел. Медленно открыв раму, он влез в окно и, обогнув кровать, приблизился к спящей Бетти, одновременно вынимая из кармана скальпель. Уолтер прикрыл ей рот ладонью в латексной перчатке и одним точным быстрым движением полоснул женщине по сонной артерии. Пульсируя, из раны полилась теплая кровь, но Бетти не шелохнулась, не издала ни звука.

Оуэнс на цыпочках подошел к другой стороне кровати. Венсан открыл глаза, но был еще в полусне.

– Простите уж, доктор, но я больше рисковать не могу, – прежде, чем тот ответил, Оуэнс рассек ему глотку точно так же, как только что его жене. – И потом, понимаете, мне ведь нужны мои лица... – добавил Уолтер. В голосе звучала тоска.

Он вышел из спальни и направился в кабинет доктора. Компьютер на столе работал. Уолтер прошелся по всем недавним документам и удалил информацию, которая имела к нему отношение, включая трехмерные модели новой внешности, после процедуры. Оставалось отыскать камеру, которой доктор снимал его на документы. Но, даже перевернувшись весь кабинет, Оуэнс, вооруженный карманным фонариком доктора, не мог ее найти. Крайне расстроенный, он проверил кухню и гостиную – с тем же результатом. Вернувшись в спальню, Уолтер заглянул в комод, в платяной шкаф и даже под кровать. Он искал. Искал и все время повторял один и тот же вопрос: «Где камера? Так где же твой фотоаппарат, док?» Как будто тело Венсана не остывало в тот момент в пропитанной кровью постели, как будто доктор отвечал ему, и все невпопад.

На лбу Уолтера выступил холодный пот. Время поджимало. Он смог договориться о раннем вылете из Кульякана, а это в ста километрах к югу. Когда Венсана хватят, Оуэнс хотел быть как можно дальше от Мокорито.

Скорее всего, фотоаппарат был в клинике. Прежде чем покинуть дом, Уолтер забрал у доктора бумажник, ключи от машины и кое-что из украшений, чтобы все походило на ограбление. А еще Оуэнс зашел на кухню – проверить, вся ли посуда вымыта.

Он вылез через окно и вернулся в клинику тем же путем, что пришел.

Оуэнс, дрожа, рыскал на столе доктора в его рабочем кабинете. В нижнем ящике он, наконец, обнаружил камеру. Снимки на паспорт все еще были на карте памяти, Уолтер отформатировал ее, а потом кинул фотоаппарат туда, где нашел. На столе был ноутбук. Оуэнс вновь проделал нехитрые манипуляции с файлами доктора, уничтожая все возможные следы своего присутствия в клинике.

Оставалось еще два небольших дела, и можно было уходить. Он вернулся в реабилитационную палату и начисто вытер стакан, стоявший на тумбочке у кушетки. Выходя из помещения, Уолтер разбил стаканом стекло шкафчика с медикаментами и выгреб оттуда все анальгетики. Запихивая их в сумку, он думал о том, что часть таблеток стоило оставить для собственных нужд, а остальное выбросить где-нибудь по дороге вместе с драгоценностями и бумажником.

Вскоре Оуэнс уже мчался в машине доктора по пустынной трассе навстречу новой жизни. Сладкое предчувствие обретения нового лица заставляло его широко улыбаться.

* * *

Гуаймас, Мексика

Когда Рысь вернулась, в порту было куда более многолюдно, чем в прошлый раз. По правде сказать, там кипела работа, и все были так заняты погрузкой и выгрузкой, что оторвать кого-либо разговором не было никакой возможности. Кроме того, Рысь не обнаружила и следа того рыжего верзилы, которого описала ей Хао.

Вернувшись в машину, Рысь поставила шифратор на мобильный и позвонила в штаб-квартиру ОЭН. Она назвала свое кодовое имя и личный номер, и ее сразу соединили с Рено.

– Есть новости по Лику?

– Я в процессе, – ответил он, – пока все, что есть, – это почти пустой банковский счет, которым уже месяц не пользовались. У Лика, естественно, где-нибудь есть заначка, но я ее еще не нашел.

– И больше ничего?

– Мы сократили список пластических хирургов до десятка. А имею в виду «десяток» в широком смысле. Но они все в Мексике.

– Рено, мне срочно нужны еще данные. Срочно. Кто знает, что он собирается делать и куда собирается поехать, если он уже не слинял. Не хватало еще, чтоб он вернулся в Штаты под новым именем и после пластики.

– Тише, тише, я секу, – возмутился Рено. – Слушай, я понимаю, что ты не хочешь профукать первое же крупное задание, но я делаю все, что могу. Обещаю, я предоставлю тебе еще вводные. И как можно скорее.

– Да дело-то не во мне. Ты сам видел, на что способен этот маньяк. Просто добудь мне что угодно. Быстрее.

Когда на порт опустилась ночь, Рысь, пользуясь тем же подходом, что и в первом мексиканском кафе, прошла по ближайшим барам. Она тщательно выбирала будущих собеседников, местных докеров, которые пили в одиночестве. Двое сказали, что ни о каком рыжем типе ничего не знают, Рысь им поверила. А третий вел себя так же, как и тот в кафе, сделал индифферентное выражение лица и, забрав бокал, пересел в другую часть бара. Других женщин, равно как и других американцев, в этих портовых заведениях той ночью не было, поэтому Рысь невольно привлекала к себе внимание. Она старалась нигде подолгу не задерживаться.

Четвертый бар, в котором она оказалась, был наименее респектабельным из всех. Вход располагался в каком-то темном вонючем переулке. Кроме неоновой вывески других источников света не было, впрочем, и этого оказалось достаточно. Рыжего Рысь там не нашла, а, разговоров еще с одним докером, к своему разочарованию, поняла, что все было бесполезно.

Когда Рысь выходила из бара, далеко за полночь, на набережной уже было тихо – ни машин, ни прохожих. Но едва Рысь ступила на тротуар, подъехала небольшая синяя машина и припарковалась у самой стены последнего здания, перпендикулярно темному проулку. Следом подкатил белый седан и встал к первому авто бампер в бампер, перегородив выход. Водители, оба дюжие мексиканцы, вышли и, пристально оглядывая Рысь, медленно зашагали к ней.

Она обернулась. Переулок заканчивался глухой кирпичной стеной.

Слева от нее открылась дверь бара. В проеме показался еще один мужик, которого Рысь определила для себя как вышибалу заведения.

Он хищно улыбнулся, обнажая в темноте белые зубы.

– Ты, дамочка, много любопытничаешь, – протянул он и скрылся, плотно прикрыв за собой дверь. Рысь услышала, как в замке повернулся ключ.

* * *

Джек стояла у дверей закрытой на ночь забегаловки на противоположной стороне улицы. Она наблюдала за Кэссиди. Та не сходила с места – стояла, не двигаясь, пока мексиканцы не подошли к ней вплотную. Джек слышала их разговор, она была достаточно близко, чтобы разглядеть выражение лица Кэссиди в слабом неоновом свете вывески.

– Хорошо оттянулась сегодня, чика? – спросил один из мужиков.

– Конечно. В «Касса Нобле» было очень неплохо, – со спокойной улыбкой ответила Кэссиди.

– Может, прокатишься с нами, выпьем где-нибудь настоящей текилы, а? – предложил другой.

– Спасибо, но я что-то уже устала. Может, в другой раз.

Кэссиди сделала пару шагов вперед, направляясь к выходу из переулка, но парень, что был покрупнее, схватил ее за запястье.

– Думаю, тебе все же лучше поехать с нами. Сердце Джек выкинуло настоящий кульбит, она было дернулась, чтобы прийти на помощь.

– Пусти, – мрачно проговорила Кэссиди, смерив мексиканца долгим недобрым взглядом. Тот рассмеялся, оглянулся на товарища, потом снова повернулся к Кэссиди.

– Ты едешь с нами.

Джек, словно зачарованная, смотрела, как в руке Кэссиди материализовался нож-бабочка. Она ткнула мексиканца в руку и поспешно убрала лезвие. Мужик завопил от боли, отпустил ее и стиснул кровоточащее предплечье. До Джек донеслось:

– Я же говорила, отпусти.

Второй мексиканец ничего не успел предпринять: Кэссиди, даже не оборачиваясь, выполнила прыжок «бедуин». Расчет ее был точен: ее кроссовок ребром подошвы с размаха въехал мексиканцу по горлу. Мужик отлетел к кирпичной стене, изрядно приложившись затылком.

Подошел тот, которому Кэссиди порезала руку.

– Вот, с-с-сука, – выругался он, доставая «Таурус» на поясе. Кэссиди обезоружила его, ударив тыльной стороной ладони по руке, а потом схватила за плечи и, нагнув, дважды ударила коленом между ног. Мужик скрючился, хрипя от боли, Кэссиди нанесла ему локтем мощный удар в основание шеи. Мексиканец рухнул на землю лицом вниз. Все произошло в считанные секунды. Джек была под впечатлением.

Кэссиди подобрала пистолет, которым большой мексиканец собирался было ей угрожать, и наставила на второго. Тот, шатаясь, пытался подняться с колен.

– Лучше не надо.

Кэссиди взвела курок. Этот звук ни с чем невозможно спутать. Мексиканец беспомощно поднял руки и плюхнулся на задницу.

– Хорошо, чика, как скажешь.

Кэссиди опустила «Таурус». И проговорила мягко, но с нажимом:

– Где найти рыжего?

– Понятия не имею. Он неделю, как уехал.

Она подошла на шаг ближе.

– Куда ваш босс посылает таких же придурков, как и он сам, на изменение внешности?

Джек была потрясена. *Сукин же сын*. Неужели, за Оуэнсом гонялись и ЭОН тоже?

– Ты, дамочка, не представляешь, во что ввязываешься, – предостерег мексиканец.

– Очень даже представляю, – мирно отозвалась Кэссиди. – Я даже знаю, что ваш босс привозит нелегальных иммигрантов и заставляет их заниматься проституцией.

Мужик в шоке вперил в Кэссиди недоуменный взгляд.

– У американских властей тут никаких прав нет.

– На твою беду я к ним отношения не имею. Поэтому, если я не получу от тебя ответа, ты окажешься в таком хреновом положении, что лучше бы они были твоими самыми близкими друзьями.

Кэссиди подошла еще на шаг и подняла ствол.

– Последний раз спрашиваю, куда вы отправляете людей, которым надо изменить лицо?

– Дамочка, я понятия не имею, о чем ты, – мексиканец обернулся в сторону машин, припаркованных у выхода из переулка. Кэссиди тоже бросила туда взгляд.

Джек напряглась. Не похоже было, что в машинах ждало подкрепление, но что-то подсказывало Джек, что расслабляться было рано.

– Кажется, дружки у тебя закончились, – Кэссиди приставила пистолет к щеке мексиканца. – Никто тебя не спасет. Но, с другой стороны... – она улыбнулась и помолчала, – и не услышит никто. Здесь только ты и я, а то, что ты мне расскажешь, я никогда не выдам.

Она наклонилась и что-то прошептала мексиканцу на ухо. Джек не расслышала, что именно, но в глазах мужика появился страх.

Хороша, и она знает об этом. До чего же хороша.

Но Джек не могла не заметить полное отсутствие эмоций. Разве Кэссиди не слишком молода? Все это должно быть для нее слишком ново, чтобы ее не прошибал нервный пот... Но казалось, что ей просто скучно. Каждое движение – воплощенная точность, совершенный расчет, ничего лишнего. *Невольно залюбуешься.*

Машины стояли прямо перед Джек, поэтому, когда на заднем сидении седана поднялся мужчина, она мгновенно засекла движение. Машины стояли так, что с того места, где сидел третий мексиканец, увидеть происходящее в переулке было невозможно. Кэссиди его тоже не видела.

Джек, пригнувшись, подкралась к машине, а мужик выглянул между передними сиденьями, чтобы узнать, как там его товарищи. Он замер на какие-то доли секунды с пистолетом наизготовку, потом отпрянул, снова скрываясь на заднем сидении, чтобы Кэссиди его не заметила.

Джек знала: мексиканец пытался рассчитать свои шансы. Выйти через заднюю дверь и попасть в переулок было невозможно – машина стояла слишком близко к зданию. Оставалось перебраться на переднее сиденье и вылезать через водительскую дверь, но тогда Кэссиди бы его заметила. Риск был слишком велик. А еще можно было удрать: вторая дверь сзади открывалась на безлюдную улицу. Мексиканец выбрал последнее. Но его так поразило то, что случилось с его друзьями, что Джек ничего не стоило незаметно подойти к нему сзади. Она схватила мужика за волосы, резко дернула на себя, выгибая на излом его шею и приложила лицом об дверь машины.

– Как неприлично отрывать даму, – пробормотала Джек, но услышать ее мужик уже не мог. Она незаметно пробралась обратно к двери кафе и продолжила наблюдение.

Кэссиди не видела, что произошло, но удар не услышать не могла. Она застыла, подняв «Таурус» и повернулась в сторону машин. Несколько секунд прошло в полной тишине, прежде чем она вернулась к допросу. Рысь должна была убедиться, что все тихо.

Она снова наклонилась к мексиканцу и что-то проговорила, понизив голос. Когда она выпрямилась, на лице ее сияла победная улыбка.

Чертовка. Она добилась своего, а Джек не слышала ни слова из сказанного мексиканцем. Кэссиди молча удалилась, не оборачиваясь. Она выглядела довольной. Перепрыгнув машины в том месте, где бамперы стояли встык, она позволила себе расслабиться, но тут увидела, что задняя дверь приоткрыта. Кэссиди замерла, оценивая обстановку. Все ее внимание было приковано к машине. Она медленно обошла седан и остановилась, увидев характерное темное пятно на светлом боку машины. Потом скосила взгляд на бурые капли в песке на дороге. Увидев на заднем сидении неподвижного мужчину, Кэссиди пошла прочь.

Джек вздохнула, одновременно отметив про себя, что инстинктивно затаила дыхание. Она проводила Кэссиди взглядом, пока та не скрылась из виду, повернув за угол. Только тогда Джек стремительно понеслась в переулок, перепрыгнув через капот седана.

Ее не удивило, что Кэссиди оставила мексиканца в живых. Такие уж в ОЭН были правила – избегать ненужных жертв. Держаться как можно незаметнее, не создавать ситуаций, которые потребовали бы вмешательства местных правоохранительных органов. Джек, к счастью, работала по другим правилам.

Мексиканец как раз поднялся на ноги. Он стоял спиной к Джек. Не успел он отойти от стены, как Джек подошла к нему сзади и пришпилила к грязно-коричневой кирпичной кладке. К затылку мужика она притиснула ствол своей «Беретты».

– Готов по второму кругу?

– *Que.*

– Нет-нет-нет, никаких вопросов, только ответы. Предупреждаю, что я не так терпелива, как та красивая блондинка.

Не отрывая пистолета от головы мексиканца, Джек достала из кармана лист с компьютерным портретом Оуэнса, сделанным ФБР. Она ладонью придавила лист к стене перед носом мужа.

– Знаешь его?

– Нет.

Стон, раздавшийся у нее за спиной, дал Джек понять, что второй тип тоже пришел в себя. Без колебаний она развернулась и всадила ему пулю в лоб. Мужик, притиснутый к стенке, вздрогнул, охнул и начал вполголоса молиться на испанском.

– Присмотрись-ка получше, – спокойно проговорила Джек, прижимая портрет Оуэнса пальцем к стене.

Мужик дрожал всем телом.

– Они отвезли его к врачу.

– Имя.

– Венсан. Доктор Венсан, – мексиканец начал всхлипывать. – Ты убила моего брата.

– Да, хреново, – сухо констатировала Джек. – И где этот Венсан?

– В Мокорито.

Едва название города сорвалось с губ мужа, Джек нажала на курок. Тело грузно повалилось навзничь, Джек сделала пару шагов назад, отступая к двери бара. Постучала.

Когда дверь открылась, на пороге показался верзила, который запер заведение перед носом Кэссиди, перекрывая той путь отхода. Джек выстрелила в упор.

Если бы она оставила их в живых, босс всей компании сразу же позвонил бы доктору, и Оуэнсу опять удалось бы ускользнуть, а описание Кэссиди обошло бы все углы в Мексике. Конечно, оперативница могла за себя постоять, но что может сделать один человек против целой банды лихих вооруженных идиотов. Меньше всего Джек хотелось, чтобы у Кэссиди возникли неприятности.

Джек поспешила обратно к своей машине и сверилась с картой. Мокорито лежал в четырехстах километрах к югу, а это шесть-семь часов езды по безумным мексиканским дорогам. Нужно было добраться туда раньше Кэссиди, и дело было не в деньгах. У Джек из без того было достаточно врагов, охотников до ее крови. Не хватало еще добавить русского в и так уже довольно длинный список.

Гонка началась.

Глава девятая

В небе над Китаем

– Сэр, с вами все в порядке? – стюардесса была чересчур внимательной даже для бизнес-класса. То, с какой необыкновенной осторожностью и услужливостью она к нему относилась, только добавляло Оуэнсу беспокойства. Он знал, что стюардесса так тревожилась из-за того, что Уолтер сильно потел и не мог заснуть, тогда как все остальные пассажиры дремали, завернувшись в предусмотренные на борту пледы. Дело было в том, что он не летал самолетом многие годы, с тех пор, как родители как-то раз заставили его отправиться с ними в отпуск. Уолтер ненавидел самолеты. *Сидеть в замкнутом пространстве, в тесноте, когда на тебя постоянно смотрит множество людей. И невозможно убежать.* Чувство беспомощности делало Оуэнса несчастным, хотя, казалось, хуже быть уже не может: он лишился своих обожаемых масок.

– Я в порядке, спасибо, – сквозь зубы выдавил Уолтер.

Только уйди уже, оставь меня в покое.

Единственное что его утешало, было чувство, что ему удалось ускользнуть. Он видел в аэропортах Кульякана и Мехико изображения своего прежнего лица, но через пункты контроля в обоих случаях удалось пройти без проблем. И, что немаловажно, ни у кого не возникло вопросов, когда Уолтеру понадобился доступ к своему банковскому счету «ГС» в Бенито Хуарес. За билет «Люфтганзы» ему удалось расплатиться наличными. Добираться на восток через Гонконг было ужасно долго, но все перелеты над Западом были слишком опасны из-за посадки в Штатах.

В ФБР уже, скорее всего, знали, что самоубийство было инсценировано. Но, очевидно, еще не поняли, что он изменил внешность, и не знали, что он путешествовал под новым именем. Наверное, власти еще не нашли тело доктора и его супруги. А если и нашли, то Оуэнс позаботился о том, чтобы не осталось ни одной улики, которая могла бы связать убийство с ним.

Уолтер пытался убедить себя, что все это не имело никакого значения, что теперь он был в безопасности, на пути в Гонконг. А оттуда уже можно легко добраться до такого места, где найти его никому не под силу и где он мог исчезнуть навсегда, имея возможность добыть себе любое лицо, какое только захочет. И ему никогда больше не придется думать о том, что его могли поймать.

Перед Уолтером, наконец, забрезжил долгожданный шанс исполнить свою мечту и сделаться неуязвимым, неуловимым. Он давно собирался покинуть Штаты, и только необходимость пересечь океан на самолете, заставляла Оуэнса откладывать это на потом. Счет его был в безопасности, благодаря тайным вложениям кое в какие статьи импорта и экспорта и надежным партнерам. Он основательно подготовился к отлету, словно отличник к ответу по домашнему заданию. Он даже условился со всеми нужными людьми о том, что им нужно было сделать перед его приездом. И, хотя он не собирался покидать страну так внезапно, видимо, сама судьба в образе песчаного шторма показала ему, что время пришло. Он был совершенно готов к новой жизни, и дожидаться не мог ее начала.

Ему слишком долго пришлось обходиться без единой маски, и это было невыносимо, ведь никакие пластические операции не могли дать то чувство силы и власти, которое охватывало Уолтера, стоило ему надеть красивое лицо. Все пластические хирурги, с которыми он консультировался, в один голос твердили, что со шрамами, по большому счету, ничего не поделаешь. И тот, который работал с Оуэнсом в Мексике, отнюдь не был исключением. Процедура дермабразии сделала шрамы чуть менее рельефными, и Уолтер, как и прежде, не мог смотреть

на себя без ненависти. Он отчетливо помнил, как, взглянув на себя впервые после операции, едва не разбил зеркало от досады. Более того, он хотел самого доктора Венсана разорвать на куски, искромсать безжалостно за то, что тот над ним посмеялся. Они оба знали, что Оуэнс по-прежнему выглядел чудовищно. Но тогда Уолтер сдержался. Улыбнулся и сказал, что не имело значения, как именно он выглядел. Скорее всего, хирург подумал, что этот пациент, как и большинство других, просто рад, что теперь его невозможно узнать.

Уолтер закрыл глаза и позволил блаженному трепету охватить все свое существо – он вообразил своего нового донора, с безупречным, прекрасным лицом. Неуверенность и ненависть отступили. Уолтер, наконец, смог заснуть.

* * *

Колорадо

Из досье, собранного ФБР, следовало, что Уолтер Оуэнс был оторвой еще задолго до того, как получил ожог. Джоан Грант, мелкими глоточками цедя кофе, сидела за столом в конференц-зале. Она листала документы, которые прошлой ночью передали по факсу из Бюро. Агенты ФБР провели целый ряд дополнительных допросов. Они собрали свидетельства соседей, учителей и бывших одноклассников Оуэнса. Удалось несколько расширить его психологический портрет. В младшей школе Уолтера дразнили и давали обидные клички за его невыносимое поведение. Урод-Уолтер и Умалишенный Уолтер были самыми безобидными из них. На физкультуре его обзывали Утлый Уолтер – за полное отсутствие способностей к спорту и субтильное телосложение.

После того, как он получил ожог, насмешки и издевки уже никогда не прекращались. Он был объектом вымещения агрессии для всякого, пока однажды его терпение не лопнуло. Уолтер подкрался к одному из обидчиков с ножом. Подошел со спины и схватил за шею, приставив лезвие к самой глотке. Тот человек, с которым это произошло, признался ФБР, что никогда прежде не разговаривал ни с кем на тему этого инцидента. Он сообщил, что на Оуэнсе была маска с Хэллоуина. И тот страшным голосом пообещал отрезать голову любому, кто посмеет издеваться над ним. Уолтер был вполне серьезен. После этого никто его не трогал.

Соседи подозревали, что Оуэнс виноват в исчезновении нескольких домашних любимцев. Когда пропала кошка, британская голубая, безутешный владелец позвонил родителям Уолтера. Втроем они принялись допрашивать мальчика. Тот все отрицал. Но на следующий день соседка подкараулила его одного во дворе и заявила, что знала: он лгал. Мальчик сознался в содеянном. Из утверждений женщины можно было сделать вывод о том, что Уолтеру был свойствен болезненный нарциссизм. Типично для серийных убийц. Придя к такому заключению, Джоан перечитала цитату из показаний соседки:

«Я этого никогда не забуду. Он смотрел мне прямо в глаза, когда сказал, что кошка сама этого хотела. И он еще улыбался при этом такой, знаете, нехорошей улыбкой. Проверял меня на прочность просто. Типа, «Я знаю, что Вы хотели бы сделать по этому поводу. Ничего, еще увидите, то, что я сделаю, будет куда хуже...» Я держалась от него подальше с тех пор. Что-то не так было с этим мальчиком с самого начала. Я ничуть не удивилась, когда услышала, что его обвиняют во всех этих убийствах».

Джоан взглянула на Монти – он мерил помещение шагами, в нетерпении ожидая приезда Рено и Дэвида Атэра. Рено заявил, что в деле Оуэнса наметился коренной перелом, и, едва Монти это услышал, он тут же созвал совещание руководящего трио. Они с Джоан приехали вместе, хотя и на разных машинах – старались держать в тайне свою связь. В ОЭН неодобительно смотрели на любые формы неуставных отношений. Эмоции, привязанности могли

повлиять на ход миссии, если вовлеченные оперативники работали вместе. Хотя они оба уже много лет не работали в поле, Монти считал, что необходимо подавать хороший пример.

– Лик, похоже, имеет все характерные черты серийного убийцы: организованный, ориентированный на результат, – проговорила Джоан. – Для него все дело в контроле. Он воспринимает своих жертв только как средство получения атрибутов власти, которая, как он считает, по праву принадлежит ему.

– Может быть, думает, что таким образом оказывает этим женщинам услугу, что такова их судьба, – согласился Монти. – Человек из Бюро, работавший с его психологическим профилем, полагает, что Лик нападает на женщин, а не на мужчин, потому что воспринимает их беззащитность как молчаливую форму согласия на все, что он с ними делает. Они для него как... доноры.

– Я надеюсь, Рено откопал что-нибудь дельное, что можно было бы передать Рыси, – сказала Джоан.

В дверь постучали – приехал Дэвид Атэр. Рено появился спустя считанные минуты, в руках у него была толстая папка с какими-то распечатками.

Они все придвинули стулья и собрались за круглым столом для обсуждения.

Рено начал докладывать:

– У меня две зацепки. Первая. Лик перевел деньги родителей на счет в банке «GC» незадолго до пожара. Спустя пару месяцев счет был закрыт, федералы думали, что он снял все деньги. Но я взломал базу данных по операциям, и оказалось, что он перевел деньги на другой счет. Доступ к нему осуществлялся последний раз два дня назад из отделения «GC», то есть «Gulf Coast Bank», в Бенито Хуарес. Это аэропорт в Мехико.

Монти сел, выпрямившись, напряженный и весь внимание.

– На чье имя открыт счет?

– Майкл Чедвик, – доложил Рено. – Имя и номер страхового проходят по базе как закрепленные за одним бомжом. Чедвика нашли убитым в Северной Каролине как раз в тот период, когда там жил Лик. Я тут же пробил по спискам пассажиров, вылетающих из Хуарес, но не нашел его ни на одном из рейсов, улетевшем после того, как была совершена операция по счету.

– Рысь в курсе? – спросил Монти.

– Да, она направляется в Мокорито, ищет пластического хирурга, к услугам которого Лик, скорее всего, прибегал. – Рено достал еще какие-то бумаги. – А еще я восстановил электронную почту и кое-какие удаленные документы с компьютера Оуэнса, но все они зашифрованы. Я с ними разберусь через пару часов.

– Хорошая работа. Держи нас в курсе, – сказал Монти, и Рено сразу вышел, забрав документы.

– А я доложу Бюро, что удалось узнать нам, – Атэр вышел вслед за Рено.

Джоан подвинула свой стул чуть ближе к Монти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.